

**Михаил Танский**  
**Верхнеудинск – Улан-Удэ**  
**очерк**

Коротенькое предисловие. Прежде всего автор желает откомендоваться читателю. От роду мне 82 года<sup>1</sup>, по профессии я врач, около 20 лет заведовал Верхнеудинской городской больницей. По ликвидации ее в 1924 году несколько лет возглавлял терапевтическое отделение областной больницы Бурятской АССР. В настоящее время – инвалид-пенсионер. Считаю себя коренным верхнеудинцем, хотя и родился в Енисейской губернии, но еще годовалым вместе с семьей прибыл в Верхнеудинск и с той поры обосновался здесь на всю долгую жизнь.

Отец – украинец из Черниговской губернии. По окончании Нежинского лицея имени князя Безбородко, где получил юридическое образование, прельстился новыми местами, выгодами и льготами сибирской службы, покинул родные места и очутился в Красноярске. В 1870 г. был переведен в г. Верхнеудинск и в должности финансового чиновника проработал здесь долгие годы. Умер в престарелом возрасте.

Моя жизнь вся была отдана родному городу. На моих глазах Верхнеудинск из маленького уездного городишка, не насчитывавшего и четырех тысяч жителей, превратился, как в сказке «По-щучьему велению», в большой красивый, культурный и индустриальный центр, стал столицей БМАССР.

Приняться за настоящий очерк побудили меня добрые знакомые, настаивавшие на том, чтобы я поделился своими воспоминаниями о старом Верхнеудинске, о старинной в нем жизни. Уступая просьбам, могу пожалеть об этом: слишком поздно взялся я за эту тему – состояние моего здоровья едва ли позволит разработать ее детально. Но хотелось бы думать, что

---

<sup>1</sup> Очерк был написан в 1951 году. Автор умер в 1962 году

беглый очерк очевидца представит некоторый интерес как историческая страничка, освещающая коротенький этап в существовании Верхнеудинска.

Уместным считаю предпослать следующую справку. В 1666 году на месте будущего Верхнеудинска стоял только острог (так начинались многие города Сибири). И только в 1783 году Верхнеудинск стал городом Иркутской губернии.

В 70-80 гг. прошлого века городок ютился на небольшой, ровной низине, в уголке при впадении Уды в Селенгу, тесно прижавшись к обеим рекам. Окружавшая город полукругом невысокая гора, переходившая в довольно обширное плато, покрытая мелким сосняком, не была заселена, почти пустовала.

Планировка города была правильная, с прямыми улицами. Имелось четыре продольных улицы, параллельных Селенге: Большая (ныне ул. Ленина), Набережная, односторонняя (ныне ул. Смолина), Лосевская (ул. Сталина)<sup>2</sup>, Мокрослободская (ул. Балтахинова); их пересекали поперечно: Набережная Уды, Соборная (ул. Первомайская), Мордовская (ул. Банзарова), Сенная (ул. Свердлова), Троицкая (ул. Куйбышева), Базарная (ул. Кирова), Проезжая (ул. Каландаришвили), Думская (ул. Советская), Закалтусная (ул. Лебедева). Улицы были немощеные, пыльные. Ветер поднимал постоянно тучи пыли, особенно сухой осенью, так что и днями меркло солнце. В дождь же на улицах образовывались не только лужи, но и целые озера. Благодаря отсутствию хороших водостоков, вода застаивалась неделями, загнивала, нестерпимо воняла, и заводились в ней даже головастики и лягушки. Зато мальчишкам бывало раздолье: бродить по лужам босоногими и, засучив штанишки, пускать кораблики, ловить головастиков. При проливных дождях вода бурным потоком приходила с гор и затапливала почти всю Мокрую Слободку и частично Базарную и Проезжую улицы с расположенными на них усадьбами так, что во дворах бродили по колено. Проложенная по Мокрослободской и Думской улицам водосточная канава со стоком в

---

<sup>2</sup>Ул. Коммунистическая

Селенгу была недостаточной вместимости, содержалась плохо, да и действовать могла только при уровне воды в Селенге не выше среднего, иначе ставень канавы закрывался, чтобы воды реки не бросились в город. Выход этой канавы проходил как раз под дамбой, сооруженной по берегу Селенги от горы до Проезжей улицы и предохранявшей город от половодья.

На моей памяти Селенга ни разу не топила города в старые годы. Слышал только, что город был затоплен в начале 60-х годов, тогда по некоторым улицам приходилось плавать в лодках. В нашем доме (ул. Базарная, к горе, ныне – дом золотоскупки)<sup>3</sup> на амбаре имелась отметина, насколько поднималась тогда вода, – приблизительно по пояс. Селенга в то время подходила почти к самому городу, и стрежень ее ударял в то самое место, где кончалась дамба и начиналась гора. С годами все дальше и дальше река отходила от города, образуя песчаную отмель, перенося свой главный напор несколько ниже, на мыс «Бычок»<sup>4</sup>. На этой отмели разгружались дрова и бревна, сплавляемые с верховьев рек для продажи, и нет-нет да случалось, что неожиданно поднявшаяся Селенга уносила целые поленницы и штабеля леса, причиняя большие убытки. Сюда же приставали в три-четыре бревна плотки, на которых промышленники-рыболовы приплавляли для продажи по 8-10 осетров. Отмель постепенно образовывалась и при впадении Уды в Селенгу.

Тротуаров в городе не существовало. Постройки были исключительно деревянные, а каменные – все наперечет. По улицам вытягивались одноэтажные в три-пять окон домики, разделенные на почтительное расстояние один от другого заборами, все со ставнями, наглухо закрывавшимися на ночь на болты. Некоторые совсем обветшали, схилились к самой земле и даже вросли в нее. У многих имелись завалинки, не раскидывавшиеся даже и на лето. Двухэтажных деревянных домов существовало не больше пяти-шести. Привлекали внимание несколько домов

---

<sup>3</sup> Ул. Кирова, ближе к перекрестку с ул. Балтахтинова

<sup>4</sup> Ул. Троицкая упиралась в мыс «Бычок»

особенно далекой старины с потемневшими бревнами, с островерхими высокими крышами, столь покатыми, что на них без веревок нельзя было бы задержаться. Крыши эти, поросшие зеленью мха, ласкали глаз, а местами ютились на них и, видимо, с удобством кустики полыни, лебеды и других сорняков. Такой, наподобие старого гриба, дом красовался, между прочим, на углу улиц Большой и Проезжей, на месте, где сейчас аптека № 2<sup>5</sup>.

Все каменные дома сохранились и по настоящее время. На Большой улице это одноэтажный дом с колоннами и мезонином, принадлежавший купцу Кобылкину (ныне надстроен 2-й этаж), два угловых двухэтажных дома на пересечении Базарной и Большой (Борисова и Самсоновича), два двухэтажных дома на перекрестке Большой и Троицкой улиц (Фролова и Немчинова). Наискосок от них – здание с пожарной каланчой (казенное), в верхнем этаже которого помещалось полицейское управление, в нижнем – казначейство<sup>6</sup>. Рядом небольшой домик в четыре окна, где долгие годы ютилась городская библиотека.

На Базарной площади находились дома: купца Фролова с прилегающими к нему каменными лавками, уездного училища (казенный) и каменные ряды с колоннадою Лосева (ныне перестроены, помещаются: Институт усовершенствования учителей и другие учреждения).

Центр площади был занят Большими и Малыми Гостиными рядами, а между ними располагался хлебный базар. Гостиные ряды выстроены были на частные средства, на акции, частично принадлежавшие городской управе. Последняя распорядилась отдачей лавок в аренду, сбором платы за них, распределением дивидендов и ежегодно отчитывалась перед акционерами. Там, где сейчас помещается ресторан «Рекорд» и библиотека<sup>7</sup>, стояли деревянные лавки, принадлежавшие крестьянину Мостовскому<sup>8</sup>. Такой же ряд лавок был и на том месте, где сейчас находится магазин

---

<sup>5</sup>Ул. Ленина, 29

<sup>6</sup>Ул. Ленина, д. 15

<sup>7</sup>Ул. Ленина, 19 «а»

<sup>8</sup> Ул. Ленина, 17 «а»

«Республиканский суд»<sup>9</sup>. Принадлежали они купцу Корабейникову. В лавках этих торговали исключительно китайцы.

На Троицкой улице находилось здание городской больницы (ныне – милиция, надстроен 3-й этаж)<sup>10</sup>, окрашенное по тогдашнему в традиционный желтый цвет, с забранными решеткой пятью окнами по улице в нижнем этаже. Здесь помещались две палаты для арестантов, так как тюрьма своей больницы не имела.

Существовали еще два каменных дома: один на Соборной площади – Мордовского и другой на Соборной улице – Фролова. Последний дом занимала почтово-телеграфная контора. Вот и все каменные постройки старого Верхнеудинска.

В том месте, где дамба подходила к горе, по косогору, по направлению к «Бычку» вытянулись вдоль реки пять-шесть кузниц, всегда оживленно работавших.

На горе, при самом въезде с Набережной улицы, справа от дороги стояло небольшое здание тюрьмы, именовавшейся пересыльной. В середине 70-х годов, как-то в летнюю пору, в ночное время она сгорела. Это было событие, наволновавшее горожан, опасавшихся, что арестанты разбегутся и натворят худых дел. Тревожную ночь провели обыватели, но все обошлось благополучно, без всяких эксцессов. Какими путями удалось администрации предотвратить побег арестантов, как и где после пожара их разместили, – ничего сказать не могу. Вскоре на том же самом месте была выстроена новая тюрьма, деревянная, двухэтажная, с небольшими, почему-то квадратными окнами, заделанными решеткою. Тюрьма выходила окнами на дорогу, и, проезжая мимо, можно было наблюдать выглядывавшие из них арестантские лица с полубритыми головами. Небольшой двор тюрьмы был обнесен высокими палями. Тюрьма эта существовала до 80-х годов, пока не была построена в версте от города по Московскому тракту большая новая,

---

<sup>9</sup> Детский мир

<sup>10</sup> Отдел Советского района

существующая и поныне. Белая, окруженная высокими белыми стенами, она среди зелени леса высилась по тогдашнему масштабу стройки красиво и величаво, как замок, и больше чем за десяток верст бросалась в глаза подъезжающему впервые к городу с Иркутского тракта, невольно порождая у него вопрос: «Что за здание?». В ответ получал: «Тюрьма». Было бы куда отраднее сказать: «Университет».

На въезде с Большой улицы, вправо от Сибирского тракта, стоял дом, окрашенный в серую краску. Это был приют для арестантских детей<sup>11</sup>. В нем содержалось до 20-30 детишек, лишенных родителей. Приютом заведовала начальница, имелся и патронат из уважаемых лиц города. Частично приют существовал на благотворительные средства. Ежегодно в зимнее время (на ярмарке) в пользу него устраивалась лотерея-аллегри, главным выигрышем в которой всегда являлись или корова или лошадь. Лотерея эта давала приюту значительное подспорье. Можно сказать, здание приюта сохранилось в полной неприкосновенности. Занято оно теперь Домом санитарного просвещения.

Наискосок через дорогу находились казармы местной команды – два низеньких, длинных, барачной системы здания. В центре обширного двора помещался гимнастический городок, а в одном из уголков приткнулась баня, служившая в то же время и лабораторией для любителя пиротехники субалтерна-офицера Р. для приготовления фейерверков.

На въезде по Лосевской улице красовался на горе домик Нагорного с мезонином, фасадом и всеми окнами весело глядевший на город.

На горе, напротив Проезжей улицы<sup>12</sup>, в лесочке ютились две бурятские юрты, охраняемые большущими злыми псами. Зачем поселились здесь, как существовали и чем занимались их обитатели буряты, для меня осталось неизвестно. Знаю только, что оттуда часто приходила нищенка-бурятка

---

<sup>11</sup> Построен в 70-х гг. XIX века. Ул. Ленина, 50а. Сегодня здание занимает Министерство здравоохранения РБ.

<sup>12</sup> Проспект Победы

«Дунюшка безногая», смиренная и добродушная, которой все охотно подавали милостыню.

Против Троицкой улицы находилась Троицкая церковь со старинным кладбищем<sup>13</sup>, обнесенным деревянными балясинами, вделанными в ограду кирпичной кладки. Церковь была небольшая, с двумя зимними приделами и летним. Кладбище имело самый унылый вид, так как его не украшала зелень. Зимой кладбище утопало в сугробах снега, а летом его нещадно палило солнце. Ни одного сколько-нибудь красивого, оригинального памятника – только деревянные кресты да массивные чугунные плиты изделия Петровского завода<sup>14</sup>. Последние нередко с длинными, широковещательными, витиеватыми эпитафиями, отнюдь не считавшиеся с орфографией и стилистикой, в которых перечислялись полные титулы покойника и все его добродетели, иногда даже в стихах. Плиты в большинстве случаев помещались на сложенных из кирпичей и выбеленных постаментах. Многие плиты находились прямо на земле и так проржавели и позеленели от моха и лишайников, что надписи читались с трудом или даже совсем не читались.

Из более оригинальных памятников выделялись: один в виде высокой, сажени в три, чугунной резной колонки, суживающейся кверху и увенчанной позолоченным шаром с крестом; другой – мрамора, представлял собой изображение ангелочка под крышею, поддерживаемой четырьмя столбиками.

Был на кладбище и таинственный склеп, пугавший ребятишек своей мрачностью<sup>15</sup>, и легонькая часовенка, в которой будто бы похоронен был святой человек<sup>16</sup>.

Учащиеся ребята паломничали сюда по традициям – заpastись святой землицей, чтобы, имея ее при себе, успешно держать экзамен.

---

<sup>13</sup>Каменная церковь была построена на месте старой деревянной в 1809 г.

<sup>14</sup>Казенный чугуноплавильный, железоделательный Забайкальской области, Верхнеудинского округа. Место ссылки катаржан

<sup>15</sup> Вероятно семейный склеп Фроловых

<sup>16</sup> Часовня

На северной стороне кладбища, за оградой, словно прячась за редкими сосенками, белели несколько крестиков и наводили на размышление, почему они оказались за оградой кладбища, а не среди своих кладбищенских собратий. Эти крестики были особенные, они знаменовали могилы людей, умерших без покаяния, лишенных покровительства церкви, погребенных не по христианскому обряду, а, если допустимо так выразиться, закопанных в землю просто по-собачьи, потому что люди эти являлись отверженными церковью – они были самоубийцами.

Ныне Троицкое кладбище закрыто, и на нем расположился увеселительный парк культуры и отдыха<sup>17</sup>. Времена меняются: мертвое и мрачное уступает место живому и весёлому.

Большой Сибирский тракт, направлявшийся на Читу, огибал кладбище, и колокольцы почтовых троек постоянно будоражили его тишину и покой.

Против Сенной улицы, в полугоре, стояли два больших старинных строения с островерхими крышами, без окон, каждое с несколькими дверями в сторону города, – это соляные амбары с большими запасами соли для всего Верхнеудинского уезда.

Торговля солью находилась тогда в руках казны, и заведовал ею особый «соляной пристав». Много позднее один из этих амбаров за ветхостью был снесен, а другой отремонтировали, перестроили и приспособили под кухню и кладовую заразного отделения городской больницы, помещавшегося в двух зданиях на горе.

Помимо Троицкой церкви в городе имелись еще две: Собор и Спасская. Последнюю в Советское время разобрали и материал использовали на стройки<sup>18</sup>, а в Соборе был устроен антирелигиозный музей.

Город страдал полным отсутствием зелени: ни бульваров, ни садов. Единственный небольшой садик с цветничком был только при нашем отцовском доме на Базарной улице. Городская управа пыталась развести

---

<sup>17</sup>Погост был снесён в 1946 г.

<sup>18</sup>Была разрушена в 1936 г. Пригодный материал пошёл на строительство нескольких городских школ.



садик на Базарной площади, между Гостиным двором и Большой улицей, но ничего не выходило, хотя от времени до времени садик поливался из пожарных машин (их было две), но росту не давал: деревья засыхали и пропадали. Так чичервел он долгие годы даже и тогда, когда оборудовали поблизости колодец с водонапорным баком, и вода в изобилии подавалась в садик по желобам. Чем объяснить подобное явление, затрудняюсь, – ведь в настоящее время зеленеет вся Базарная площадь (ныне – площадь Революции).

Реки, омывающие город, по характеру своему разнятся. Полноводная Селенга течёт издалека, с гор и степей Монголии. Течение ее величаво, спокойно, и только в половодье река яростно бушует и рвет берега. Воды ее выходят из ложа и заливают большие пространства, принося населению громадный ущерб. Подпирают и Уду у города. Вода в Селенге более теплая и мягкая, чем в Уде, но зато менее прозрачная. Уда берет начало в болотцах на Яблоновом хребте, около станции Вершиноудинской, верстах в четырехстах от города по бывшему Сибирскому тракту. Около этой станции она имеет вид небольшой речушки, и переезжали ее по маленькому мостику. Носит Уда характер горной реки. Протекала она тогда по малозаселенной местности и подходила к городу незагрязненной, тем более, что на берегах ее не существовало ни заводов, ни фабрик.

Жители предпочитали пользоваться водой из Уды, потому что доступ к ней был удобным. Существовали в городе по домам и колодцы, но в ближайших к Мокрослободской и Закалтусной улицам вода бывала желтого цвета и солоновато-горькая на вкус, к употреблению непригодная. Причина объяснялась так: там, где пролегали эти улицы, была, по преданию, старица<sup>19</sup> Уды, превратившаяся потом в болото. Само название улиц подтверждает предание. Болото засыпали, как у нас водится, главным образом, навозом, сильно загрязнили почву, которая в десятки лет не смогла очиститься и

---

<sup>19</sup>Старое русло реки

проветриться еще и потому, что загрязнение, в связи с постоянным антисанитарным состоянием города, продолжалось.

На Соборной площадке городская управа оборудовала колодец с помпой, дававший прекрасную воду, видимо, профильтрованную через песок из Уды. Горожане широко колодцем пользовались, особенно при разливах рек, когда вода в них становилась грязной. Имелся обычай полоскать на Уде стирание белье.

Зимой во льду делалась длинная прорубь и над нею ставился легкий досчатый балаган с железною печкою для обогрева, конечно, относительного. Купанье в летнюю пору тоже предпочитали на Уде.

Зимой на лед свозились кучи навоза, несмотря на запреты управы, за выполнением которых не было достаточного наблюдения.

Переправ через реки было две: на Уде и на Селенге. На Уде ходил карбас, связывавший город с его предместьем Заудою, казачьим поселком, управлявшимся станичным правлением со станичным атаманом во главе. Карбас представлял большую плоскодонную лодку с настилом из досок, обнесенным загородкою. В носовой части, обращенной постоянно против течения реки, была укреплена на стержне массивная цилиндрическая вертушка, обильно смазанная дегтем, и по ней двигался канат, перекинутый через реку и прочно закрепленный на берегах. Вот по этому-то канату и передвигался карбас с одной стороны на другую отчасти течением реки, а отчасти потягиванием перевозчиком за канат. На переправу требовалось минут пять. На карбасе могла поместиться почтовая тройка с повозкой в упряжке или четыре телеги, тоже в упряжке. Конечно, такая переправа была мешкотной и неудобной, и город мечтал о постройке постоянного моста.

Пешеходы перевозились бесплатно, а за телеги и экипажи бралась небольшая плата на содержание и оборудование переправы.

Зауда имела еще более убогий вид, чем город, но распланирована была столь же правильно, с прямыми, широкими улицами, из которых одна, как

главная, называлась Большой<sup>20</sup>. По ней пролегал тракт на Петровский Завод через Тарбагатай и Мухоршибирь. Имелась здесь старинная церковь «Вознесения», расположенная на мыске при впадении Вознесенской протоки (от Селенги) в Уду. Церковь эта сохранилась, и теперь ею пользуются верующие для своего культа. С нее сняты купола, разобрана колокольня, нет колоколов и выглядит она, как обыкновенный дом.

Около церкви, несомненно, существовало когда-то кладбище, о чем свидетельствовали человеческие кости, обнажавшиеся постоянно на яру к Вознесенской протоке, благодаря выветриванию и размывам.

Неподалёку от церкви находилось мрачное, обветшалое, заброшенное здание с окнами без рам. Говорили, что в нем помещалась станичная больница, ликвидированная с открытием городской больницы, которая стала обслуживать и казачье население. Но в этом заброшенном доме, в одной из его комнат все же были жильцы. В подвале здания помещался чей-то склад хранения спирта, а в комнате проживала семья подвального, окарауливавшего в то же время и руины от окончательного расхищения. На этом месте построен был потом пивоваренный завод К-ова<sup>21</sup>, перешедший затем к купцу И-ову<sup>22</sup>, а теперь там помещаются, кажется, какие-то мастерские.

В одну из заудинских улиц вклинивалась живописным утесом горная порода песчаника. Назывался этот утес «Камешком». В советское время его использовали на стройки<sup>23</sup>.

Переправа через Селенгу находилась верстах в полутора от города, по Московскому тракту.

Там, где сейчас раскинулся красиво оформленный, асфальтированный озелененный Ленинский проспект<sup>24</sup> с прекрасным громадным зданием театра оперы и балета и другими многоэтажными домами, пролегал среди сосняка

---

<sup>20</sup> Ул. Бабушкина

<sup>21</sup> Коробейников Александр Андреевич, иркутский мещанин

<sup>22</sup> Иохвидов

<sup>23</sup> Часть «Камешка» сохранилась в одном из частных дворов по ул. ...

<sup>24</sup> Ул. Ленина

Сибирский тракт, по которому пробегали, гремя колокольцами, почтовые тройки, тянулись бесконечные обозы, проезжали возы-одиночки, шагали, гремя цепями, партии кандалников<sup>25</sup>, направляемых в далекую Нерчинскую каторгу.

Переправа через Селенгу совершалась на плашкоуте, сооружении, кажущемся в настоящее время архаическим и, несомненно, отходящим в область преданий. Местное подрастающее поколение, вероятно, не имеет уже понятия о плашкоутной переправе. Плашкоут устраивался так: два больших плоскодонных карбаса неподвижно соединялись перекладинами на некотором расстоянии друг от друга. Сверху настилался помост, обнесённый огорожею. В кормовой части помещалось рулевое управление со штурвальным колесом, а в носовой стояли два столба сажени в три высотой с перекладиной вверху. Все это громоздкое сооружение передвигалось на канате, закрепленном с одной стороны якорем, брошенным на дно реки в самой середине ее и выше переправы сажень за двести. С другой стороны канат закреплялся на самом плашкоуте около штурвала. Чтобы канат не тонул, он поддерживался шестью-семью лодочками, вытягивавшимися в цепочку, а на плашкоуте передвигался канат по носовой перекладине, над головами, не задевая никого и ничего. Передвигался плашкоут с одного берега на другой так же, как и карбас на Уде, течением реки. На самую переправу требовалось 8-10 минут. Вмещать он мог до четырех почтовых троек вместе с повозками.

С горы к переправе вел крутой спуск. Тяжелые тарантасы приходилось тормозить, тем более, что площадка перед переправой была небольшая, да и лежала косогором.

Селенга являлась для верхнеудинцев своего рода Стиксом, а перевозчики – харонами, так как здесь нередко происходило последнее прощание с отъезжавшими в далекую дорогу на запад, проливались

---

<sup>25</sup> арестантов

последние слезы, заключались последние объятия и распивались бутылка-другая шампанского.

Уличных фонарей не имелось ни одного. Освещался город только в лунные ночи небесным светилом, а в безлунные погружался в кромешную темноту. В домах для освещения пользовались исключительно сальными свечами местного производства. Давали свечи эти слабый свет – только лба не расшибить, – чадили и воняли. Приходилось постоянно снимать с фитиля нагар, для чего существовали даже особые металлические щипцы с коробочкой, куда собирался нагар. Стеариновые свечи братьев Крестовниковых и Невского завода по дороговизне своей являлись роскошью, мало доступной населению. Керосина и ламп в начале семидесятых годов еще не было в обиходе, появились они несколько позднее.

С наступлением весеннего тепла впредь до первых осенних заморозков город охранялся по ночам околоточным караулом, который ежегодно организовывала городская управа. За подписью члена управы и управской печатью выдавался на каждую улицу список с перечислением фамилий домовладельцев, проживающих на ней. Список наклеивался на дощечку, прибитую к палке, и каждодневно передавался после отведенного ночного караула соседу. В караул посылались нередко и подростки. Караульному вменялось в обязанность бодрствовать, проходить из конца в конец всю улицу и постукивать в колотушку, чтобы обитатели, просыпаясь ночью, слышали и чувствовали, что они пребывают под бдительным, недремлющим оком охраны и, перевернувшись на другой бок, спокойненько принимались бы за новое сновидение. Специальных колотушек и трещеток не применялось, обходились или двумя дощечками или двумя палочками.

Сказать, что город в летнюю пору погружался в тишину и покой, не приходилось, поколачивание висело над ним своего рода шумовым оркестром, в который вливался и взбудораживаемый им собачий гомон. Ночное окарауливание предпринималось, главным образом в отношении

пожаров. Безоружные караульные, часто подростки и женщины, конечно, не могли бы оказать сопротивления преступным людям, но, к счастью, в те времена ночных нападений, грабежей и убийств не случилось, хотя Забайкалье было страной каторги и ссылки. Мне пришлось еще видеть людей клейменных, с синим клеймом на лбу и на щеках<sup>26</sup>, проживавших в Верхнеудинске по отбытии каторги и мирно занимавшихся каким-нибудь ремеслом. Я хорошо запомнил одного старика-медника, постоянно ходившего по домам и собиравшего кастрюли для починки.

Как-то, в конце 80-х гг., на ярмарке был убит приезжий купец Бабуев, – так это единственное убийство, оставшееся загадочным и нераскрытым, так взволновало общественность, что разговору о нем было на несколько лет.

Кстати сказать: преступление это открылось лет через сорок, уже при Советской власти, – жена, поссорившись, выдала преступника-мужа.

Институт окарауливания в летнюю ночную пору сохранился до Февральской революции, и принимали его караульщики, как я выше сказал.

Припоминаю попутно такой случай, имевший место, когда я был уже врачом и заведовал городской больницей. Как-то ночью, возвращаясь домой (проживал на ул. Проезжей), я услышал душу раздирающий крик, донесшийся с Большой улицы. Выхватив револьвер из кармана (тогда оружие носили свободно), я бросился на крик и столкнулся с идущим мне навстречу и постукивавшим палочками караульным. Я предложил ему бежать к месту происшествия.

– Не наше это дело, еще убьют! Наше дело по части пожаров, – ответил он и зашагал спокойно дальше.

Около каменного дома, где теперь аптека №1, я нашел свалившегося – человека в бессознательном состоянии. Случайно на извозчике проезжал мимо какой-то гражданин, и мы с ним доставили пострадавшего в больницу. У него оказалась ножевая рана в области печени. Пока спешно готовили к

---

<sup>26</sup>Клеймили лоб и щеки преступника раскаленной металлической пластиной в виде литеры, соответствовавшей преступлению (например, «У» — убийца)

операции, несмотря на принятые меры поднять сердечную деятельность, раненый скончался, как потом показало вскрытие, – от обильного внутреннего кровотечения.

В городе существовало три базара. На центральной площади – хлебный базар, на выезде из города по Троицкой улице – мясной и рыбный, а на Сенной площади, в углу, при слиянии рек, торговали сеном, дегтем, граблями, вилами, лопатами и прочим. На хлебном, при большом подвозе зерновых продуктов, что бывало по осени, воза выстраивались на площади, оглядая большой Гостиный двор, почти до Большой улицы. На мясном и рыбном летом торговали зеленью. На Сенном базаре имелись весы, на которых можно бывало взвешивать воза с сеном, если их не покупали на «глазок». Сено сбрасывалось у покупщика, телега взвешивалась, и расчет шел за пуды.

Летом 1878 года Верхнеудинск почти наполовину выгорел. Пожар начался в жаркий день, часа в два с сеновала в усадьбе Самсоновича (угол Большой и Базарной улиц) при безветренной погоде, но, когда пламя достигло наивысшего напряжения, поднялась внезапно буря, и пламя тотчас же перекинулось на соседние постройки. Через какие-нибудь полчаса оно шло грозным широким фронтом от Базарной улицы до Набережной, и ветер гнал его все дальше и дальше к Уде. Каланчист вынужден был вскоре покинуть свою вышку, и бьющий по нервам набат прекратился, да в нем не было и нужды. Люди оказались бессильными перед разъяренной огненной стихией и прекратили бесполезную борьбу. Всю ночь бушевал пожар и кровянил жутким заревом небо и землю. К утру ветер затих. Пламя, как будто насытившись и устав, стало ослабевать. Явилась возможность оказать ему сопротивление. Новых строений не загоралось.

На пожарище, на месте деревянных домов всюду торчали дымовые трубы, словно персты, угрожающе поднятые к бесстрастному небу за содеянное злодеяние, а каменные дома с закопченными, потрескавшимися, местами рухнувшими стенами страшно зияли пустыми черными окнами.

Дым и смрад висел над пепелищем. Пожар «слизнул» все постройки от Базарной улицы до Уды и от Собора до Спасской церкви. Уничтожены были кварталы между Большой улицей и Лосевской, начиная от Базарной площади вплоть до Набережной Уды. Не сгорел только дом купца Фролова (с колоннами) и прилегающие к нему каменные лавки. Кварталы между Троицкой и Соборной уцелели. Не сгорел и Собор, а также и один небольшой в три окошка деревянный домик, оказавшийся под защитой церкви. Как чудо стоял он среди полного разрушения.

Большим счастьем в этом громадном несчастье было для жителей то, что пожар случился не зимою, а в теплое время, что позволило погорельцам легче найти убежище. Сразу же началась застройка города и восстановление каменных домов.

Года в три-четыре город в достаточной степени залечил уже свои ожоги.

Как раз во время пожара городу угрожала еще одна беда – наводнение. Вода в Селенге поднялась в уровень с дамбой, и боялись, что она вот-вот хлынет в город. Обе переправы на реках были сняты. Наводнения всё же не случилось, – вода пошла на убыль.

Пароходства на Селенге не существовало. Первый пароход появился в начале 1890 г., назывался «Иннокентий», по размерам был лилипутом. Какие делал рейсы, какие возил грузы не помню, но он скоро исчез, переброшенный, по-видимому, на Ангару. Почти одновременно появился еще пароходик, несколько побольше – «Лебедь», весь окрашенный в белую краску. Построен он был, как это ни странно, свободным художником по профессии Н.И. Верхотуровым, уроженцем-сибиряком, известным впоследствии своими картинами «Расчет», «Прикованный к тачке» и другими.

Обладая значительным капиталом, В-ов занялся одно время прожектерством и оборудовал вальцово-крупчатную мельницу на берегу Селенги неподалеку от с. Тарбагатая. Около нее, на примитивной верфи,



построил потом пароход, чтобы перевозить крупчатку в город. Затем художника продолжались недолго. Продав кому-то мельницу, сам предприниматель скрылся с верхнеудинского горизонта, а «Лебедь», которому скорее подошло именоваться попросту «калошей», тоже вслед за хозяином исчез с лона селенгинских вод.

К городу прилежала Батарейная площадь, получившая свое название оттого, что на ней постоянно размещалась конная батарея из шести орудий. Площадь пустовала и являлась прекрасным плацдармом для батарейных учений. На площадь эту вели дороги: одна лесом через гору, другая – по берегу Уды, по полотку, искусственно проложенному у основания горы, крайне неудобная и даже опасная из-за частых оползней и настолько узкая, что горем бывало повстречаться на ней двум повозкам.

При самом выезде на площадь, вправо от дороги, на берегу Уды стоял беленький в пять окон дом командира батареи, а несколько дальше находились казармы для «нижних чинов» по прежнему наименованию, иначе говоря, для солдат. Три-четыре офицера батареи проживали в городе.

На площади местами были устроены ложементы и валы. Вся площадь зеленела, особенно после дождей.

Частые учения в летнее время с различными эволюциями и орудийною пальбою постоянно привлекали городских ребят и доставляли им несказанное удовольствие любоваться с горы увлекательным зрелищем.

Дорога, пересекши площадь, вела к кирпичным сараям, приютившимся под горою у самой Уды, и здесь оканчивалась, потому что дальше гора круто обрывалась в реку.

В нашей семье имелось до двадцати фотографий старого Верхнеудинска, заснятых ещё до его пожара, и я очень сожалею, что они не сохранились, а утрачены. Они явились бы теперь музейной ценностью и наглядно иллюстрировали бы мой настоящий очерк.

В 90-х годах, когда Верхнеудинск с проведением железной дороги начал застраиваться и жить более полной жизнью, городская дума как-то на

одном из своих заседаний «глубокомысленно» обсуждала вопрос, дать ли сто рублей на составление фотографического альбома видов города, что предлагал сделать хороший фотограф-любитель<sup>27</sup>, но «прижимистые отцы города» отклонили эту «затею». Можно об этом пожалеть.

Дав по возможности с фотографической точностью облик родного мне Верхнеудинска, опишу теперь, как люди в нем жили.

В Верхнеудинске в 70-80 гг. преобладало русское население, но было немало и евреев и несколько татарских семейств, проживали здесь поляки-повстанцы, отбывавшие ссылку за польское восстание. Вкрапленными являлись поляки – повстанцы, отбывавшие здесь ссылку за польское восстание. Бурят в городе почти не проживало, за исключением нескольких учеников уездного училища да двух-трех писарей, работавших в правительственных учреждениях. Буряты славились своим каллиграфическим почерком. У евреев была скромная синагога и хедер-еврейская религиозная школа для мальчиков.

По сословиям и роду деятельности жители распределялись на мещан (основная масса), чиновников, военных, купцов и мелких торговцев, ремесленников и казаков. Рабочего класса, как такового, не существовало, ибо не было в городе ни фабрик, ни заводов. Но батрачество в виде домашней прислуги, подмастерьев и прочих имело место в жизни города. Кадры пополнялись пришельцами из деревень, временно попадавшими в город на заработки. Какой-либо организованности у этой группы тружеников не существовало. Попытки насадить промышленность заводскую, видимо, были раньше, так как около теперешнего железнодорожного моста через Уду существовали развалины обжигательной печи и земля была обильно усыпана битыми стёклами. По слухам здесь был когда-то небольшой стекольный завод Курбатова. Дело, вероятно, не пошло, и завод упокоился естественной кончиной.

---

<sup>27</sup> Николай Николаевич Бурлаков – фотограф-любитель, верхнеудинский учитель, ассессор

Люмпен-пролетариат ограничивался несколькими лицами: нищенкой-буряткой Дунюшкой, Николкой-дурачком, безобидным, не ходившим, а бегавшим из дома в дом и бормотавшим свое: «Дон-дон-дон! – овская барышня (*дочь местного купца – М.Т.*) хороша, хороша!», и Новоселовым – мужчиной средних лет, могучего сложения, богатырской силы, пропойцей и безобразником, державшим иногда в терроре обывателей, почему-либо ему не понравившихся. Было еще несколько нищих-калек, побиравшихся на папертях церквей и предпочитавших, вероятно, жить на свободе, чем в приюте, который, если не ошибаюсь в дате, уже существовал в 80-х гг.

Основан он был и содержался на частные средства купца Г-на<sup>28</sup>, владельца Николаевского винокуренного завода. Кроме стариков и вообще немощных в приюте жили и воспитывались также беспризорные дети. Всего бывало призреваемых до 25-30-ти. Помещался приют в одноэтажном каменном доме на берегу Уды и поныне существующем.

Мещане занимались самыми разнообразными делами и делишками. Жили в собственных домиках, имели кое-какое хозяйство, во многих дворах водилась лошаденка и коровенка. Тогда бурятскую корову, дававшую три-четыре бутылки молока, можно было купить за 15-18 рублей. Занимались мещане хлебопашеством, рыболовством, имели покосы, по мелочам торговали и спекулировали, занимались ремеслами и извозом и жили если не богато, то безбедно и на большие праздники пекли шанежки, пряженики<sup>29</sup> и непременно завертывали омулевые пироги.

Они-то и являлись главным базисом городского самоуправления, ибо избирали гласных Думы, представлявшей высший орган городского хозяйства. Но мещане, помимо участия в Думе, в общегородских делах, имели еще свою собственную организацию – мещанскую управу с председателем ее – мещанским старостой, члены которой, как и староста, выбирались на три года и утверждались также губернатором. Прежде мещане

---

<sup>28</sup> Голдобин Иван Флегонтович

<sup>29</sup> Масляные лепёшки

наравне с крестьянами вносили «подушную подать», но с введением нового городского положения были переведены на общий городской аппарат и платили налоги в городскую управу по окладным листам, соответственно оценке своего недвижимого имущества, как и все прочие домовладельцы.

Заудинские казаки в очередном порядке отбывали воинскую повинность в казачьих войсках. Был и такой случай, что казак Т-ов<sup>30</sup> две четырехлетки (в 900-ых гг.) занимал место городского головы. Вообще же жили крестьянской жизнью: имели пашни, покосы, сажали на полях картофель и широко занимались огородничеством. На своих больших приусадебных участках они выращивали особенно много капусты, да и другими овощами в преобладающем количестве снабжали город.

Домохозяйки выпекали для базара хлеб, калачи и булки. И какие булки! Ароматные, пышные... Нажмешь на каравай, сдвинутся корки и сейчас же, как ни в чем не бывало, расправятся, примут первоначальный вид. Они же ежедневно носили в город по домам в берестяных, поставленных на голову, лукошках свежие заварные калачики, на приготовлении которых специализировались до совершенства... По осени, когда заканчивался сбор кедровых орехов, снабжали горожан ореховым маслом, а ребятишкам доставляли удовольствие сбойней – жирными ореховыми выжимками с сахаром в виде лепешек.

Поляков проживало в городе немного, были они разбросаны и по уезду. Я знал нескольких, но в особенности хорошо некого М-ого, служившего у одного из местных купцов доверенным, часто бывавшего в нашей семье. Мне довелось лично слышать от него рассказы о восстании поляков в 60 гг. на Кругобайкальском тракте, который они тогда в таежных дебрях прокладывали.

Надо сказать, что этот участок Большого сибирского пути был потом по благоустройству лучшим и долгие годы оставался таковым. Этому много способствовало то обстоятельство, что движение по нему было

---

<sup>30</sup> Титов Иван Васильевич (1907-1915)

ограниченное, пользовались главным образом дорогою тогда, когда прекращалась сравнительно ненадолго осенью и весною переправа через Байкал. На почтовых станциях держалось только по две почтовых тройки. Широкая, с боковыми канавами дорога, с хорошим грунтом и хорошо утрамбованная, без выбоин и ухабов, с многочисленными мостами на бурных горных речках, прорезанные в горах подъемы и спуски – все это не оставляло желать лучшего тем более, что дорога шла живописными местами: с одной стороны – высокие горы, с другой – красавец Байкал – то спокойный, то вздыбленный косматыми валами.

Условия работы для ссыльных поляков были крайне тяжелые, пищевые продукты доставляли неаккуратно. Неся прямо каторжный труд, до последней степени изнуренные, они страдали от холода и голода, пока не лопнуло окончательно терпение. Вспыхнул бунт. На усмирение его послали войска из Иркутска, и в короткий срок бунт был подавлен. Но масса поляков бежала в тайгу, в горы с намерением перебраться через них и добраться до Монголии. В тайге пришлось претерпеть страшные мучения, питались только ягодами, немало людей погибло. Те же, кому удалось все-таки перебраться через горы в долину Селенги, были все переловлены казачьими пикетами, и в Монголию никто не попал. Так печально закончилось восстание на Кругобайкальской дороге.

Контингент чиновников являлся обычным для уездного городка. В генеральских чинах не состояло никого. Возглавляли управление городом и уездом (по министерству внутренних дел) сначала исправники, но когда уезд превратился в округ, то исправник переименовался в окружного начальника – «тех же щей да пожиже влей». Уезд делился на участки с участковыми заседателями, переименованными потом в приставов.

Штат полиции, как и всех других учреждений, был ограниченный. Городовых не существовало, а числились при полицейском управлении два-три урядника, не столько следивших за порядком в городе, сколько занимавшихся разноской пакетов да бессмысленно торчавших в управлении.

Никаких полицейских постов в городе не было, и совершенно бесполезно было бы кричать на улице ночью: «Караул!», ибо караул в это время безмятежно спал и храпел «во все носовые завертки».

Пожалуй, более оперативным лицом являлся единственный в штате полицейский надзиратель. Был даже такой случай, когда один из них проявил геройство. Хотя крупные преступления бывали редкими, но все же преступный элемент от времени до времени появлялся в городе. Полицейский надзиратель Р. задержал однажды преступников, оказавших вооруженное сопротивление при аресте. Отстреливаясь, они ранили его в ногу. Несчастный ногу потерял – ампутировали.

Было в городе, как полагалось, казначейство с казначеем во главе, сидевшим годами на своем месте и обраставшим мхом, как и вообще все чиновники того времени. Вращаясь среди больших переходящих денежных сумм, казначей вел самое скромное существование на свое ничтожное жалованье.

Заслуживали внимания и два-три простых человека, даже не чиновных, – это, так называемые, «присяжные». Груды бумажных денег проходили через них, они их пересчитывали, и ни один рубль не прилипал к их честным рукам. И так тянулось длинные годы.

Было еще акцизное управление (министерство финансов). Начальствовал акцизный надзиратель, в распоряжении которого находились четыре участковых помощника.

Назову еще отдельных чиновников. В самом начале 70-х существовал стряпчий, совмещавший в себе следовательские и прокурорские обязанности, но вскоре же последовала реформа: взамен стряпчего появились следователь и товарищ прокурора. Начальник почтово-телеграфной конторы, уездный – он же городской – врач, горный исправник, нотариус – вот, пожалуй, и все видные чины города.

В хозяйственном отношении город в начале 70-х гг. управлялся ратушей, помещавшейся в доме на углу Базарной и Мокрослободской улиц.

Ратуша как-то ночью сгорела со всеми своими делами и бумагами. Уподобиться фениксу, возникшему из пепла, ей не пришлось – сменила ее городская дума с ее исполнительным органом – городской управой.

Во главе думы и управы стоял городской голова, который общим собранием думы избирался на четыре года, так же, как и три члена управы и секретарь. Кандидатуры в головы (из гласных) намечались записками. Получивший большинство голосов и давший согласие на занятие должности подвергался баллотировке шарами. На стол ставился ящик с крышккою, с мягкой обивкой внутри, чтобы не слышно было стука шаров, перегородженный на две половины. В каждой половине имелось небольшое круглое отверстие, неподалеку одно от другого. Ящик осматривался и затем закрывался плотной материей. Каждый из участвующих в баллотировке получал по небольшому шару. Подходили один за другим, протягивали руку под покрывало и легким, незаметным для посторонних движением опускали шар в ящик или направо, или налево. Направо – значило избрание, налево – оказаться забаллотированным, или, как тогда говорили, – «прокаченным на воронях», «с набросанными черняками», потому что неизбирательные шары назывались «черными» в противовес избирательным «белым», хотя все они были одинаковой окраски и, вернее всего, просто грязными. Подобным образом – баллотировкою решались на думских заседаниях и многие вопросы повестки дня.

Сами гласные думы в количестве 20-25 человек избирались таким образом: составлялись списки всех домовладельцев, которые и являлись избирателями и имеющими право быть избранными в думу, за исключением евреев, лишенных этого права. Но поляки, татары и другие народности пользовались общими правами. Списки вместе с избирательными листами рассылались по избирателям, и каждый избиратель имел право записать в лист десять фамилий лиц, которых ему желательно было видеть гласными думы. Заполненные листы запечатывались в конверты, и каждый опускал свой конверт в городской управе в назначенный день выборов в опечатанный

большой ящик в присутствии комиссии. Потом эта же комиссия подсчитывала по избирательным листам голоса и получившие большее количество голосов попадали в гласные. Затем список гласных утверждался губернатором. Отводы, если и бывали, то, вероятно, редко.

Таким образом, сформировывалась по имущественному цензу дума, разнообразная по составу гласных. В нее входили мещане, купцы, чиновники, священнослужители и разночинцы. Срок службы избранных лиц определялся в четыре года. В городской управе обязанности членов распределялись по разным отделам городского хозяйства.

Дума собиралась на заседания 1-2 раза в месяц и рассматривала вопросы, подготовленные городской управой. Не лишен был права и каждый гласный инициативы в городских делах и мог вносить свои предложения на рассмотрение думы.

Женщины избирательными правами не пользовались. Вообще женщинам приходилось жить в то время так, как потом германский император Вильгельм II сформулировал их предназначение в пресловутой триаде: «Kirche, kinder, küche» (церковь, дети, кухня). Но от домостроя все же ушли – представлялись права: учительствовать, быть повивальными бабками и сестрами милосердия. Несколько позднее стали допускать на службу в телеграф.

Одним из первых городских голов был Ш-ин<sup>31</sup> из мещан, личность колоритная – алкоголик и скандалист, особенный любитель пожарных тревог и учений, производимых на Базарной площади к вящему удовольствию всех городских мальчишек. Почему-то недругом его оказался окружный начальник, в той же степени алкоголик и скандалист. Надо думать, не поладили, потому что окружный начальник был тоже любитель пожарных тревог.

И вот однажды две эти власти «предержавшие» столкнулись друг с другом публично, когда городской голова производил учение пожарной

---

<sup>31</sup> Вероятно Шляпкин Николай Ананьевич (1881-1884 гг.)



команды и, конечно, с обеих сторон в подпитии. Завязалась перебранка, близкая к площадной. Тогда городской голова вынул из кармана цепь – знак своей власти и, надев ее на шею, воскликнул:

– Вы оскорбляете голову при исполнении им служебных обязанностей!

А окружный начальник, «ничтоже сумняшеся», громогласно на всю площадь перед собравшейся веселой толпой прокричал:

– Видал я в жизни всяких ослов, но в цепи вижу впервые!..

Толпа гоготала...

Этот же самый начальник, когда праздновалась какая-то еврейская свадьба в немчиновском доме, во втором этаже (в собрании), вызвал по тревоге пожарную команду, приказал подставить лестницы и в открытые окна (было теплое время года) поливать «жидов» из двух брандспойтов... Ну, и полили... с результатом, что один из гостей цирюльник Р. окривел... Сильная струя воды попала в глаз, который разболелся, и Р.<sup>32</sup> глаз потерял...

Существовал приблизительно в то же время и судебный следователь Л.<sup>33</sup>, который самолично, вероятно, не иначе как под винными парами, ловил и купал «жиденят» в луже, по его заявлению – «крестил»...

Я рассказывал не анекдоты, а только выхватил бытовые странички из глухого прошлого, характеризующие в значительной степени нравы того бесправного, подчас и прямо дикого времени.

А пожарная городская команда не столько тушила пожары, случавшиеся редко, сколько служила развлечением и забавой для властей. Впрочем, была как-то и полоса частых пожаров, причины которых остались невыясненными. Такие же пожары прошли по России. Ходили тогда слухи, может быть, и вздорные, что поджигателями являлись будто бы мстители поляки-патриоты за подавленное польское восстание.

Пожарный гараж помещался на том же самом месте, где и теперь, но до большого пожара города был деревянный, а уже после него построили

---

<sup>32</sup> Рейфович

<sup>33</sup> Липский

каменный. В пожарном депо имелись две машины (качали людьми, больше добровольцами-любителями из глазающей толпы), три-четыре бочки и дроги с лестницами и баграми. В машины и дроги закладывались тройки лошадей, в бочки – пары. Когда пожарная команда под тревожный звон набата, под заливной гомон собственных колоколов неслась в тучах пыли по улицам на пожар, сверкая медными касками, она являла эффектное зрелище. Водовозы и домохозяева, имевшие бочки и лошадь, обязаны были помогать при тушении пожаров подвозкой воды.

Народное образование в те годы в Верхнеудинске не заносилось в облака и было скромненько представлено тремя школами: уездное училище, женская четырехклассная прогимназия и двухклассное приходское училище для мальчиков. Долгое еще время для среднего образования приходилось верхнеудинцам посылать детей в чужие города – или в Троицкосавск, или в Иркутск.

В Троицкосавске существовали реальное училище и женская полная гимназия, хотя город по значимости много уступал Верхнеудинску, но бок о бок с ним находилась Кяхта<sup>34</sup> с купцами-миллионерами. Здесь-то и была зарыта собака.

Иркутск, как город губернский, имел и мужскую и женскую гимназии. В 80-х гг. я был в Верхнеудинске единственным гимназистом и, приезжая на лето из Иркутска домой к родителям, с гордостью перед верхнеудинскими ребятами щеголял своим синим мундирчиком, со светлыми пуговицами, с серебряными галунами<sup>35</sup> на воротничке и фуражкой с белыми кантами и гербом. Если не ошибаюсь в дате, в 1883 году была открыта гимназия (1-ый кл.) в Чите, сначала на средства, собранные бурятским населением, но вскоре принятая казной на свое содержание. В 1887 году я перевелся из Иркутской гимназии в только что открывшийся 5-й класс в Читинской гимназии. Это давало мне возможность ездить домой в Верхнеудинск на двухнедельные

---

<sup>34</sup>Кяхтинская слобода объединилась в 1934 г. с Троицкосавском, стала городом Кяхта

<sup>35</sup>Унтер офицерская нашивка

рождественские каникулы. Из Иркутска такому путешествию препятствовала январская распутица на Байкале.

В Читинской гимназии училось человек до двадцати бурят, многие жили в пансионе при гимназии. Из Читинской гимназии вышли известные мне деятели: профессор восточных языков в институте во Владивостоке Гомбожап Цыбиков, военный доктор Содо Ямпиллов, окончивший затем Военно-Медицинскую академию. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что и в то глухое время у бурят имелось большое тяготение к просвещению.

Иначе, например, обстояло дело в Татарии. В Казанском университете насчитывалось более 800 студентов, куда я поступил в 1891 году, а был всего один студент татарин Алкин, которого, как уникама, знали все студенты. И это в самом центре Татарии, можно сказать, в городе наполовину татарском, в университете, существовавшем уже десятки лет.

Верхнеудинское уездное училище возглавлял штатный смотритель некто Т-ов<sup>36</sup>, человек мягкий, смиренный, уступчивый, и можно усомниться, что учебное дело под его руководством стояло на должной высоте. Я в то время бегал в 1-й класс приходского училища, помещавшегося вместе с уездным и, хотя при переходе в следующий класс получил похвальный лист, результаты учебы оказались плачевными. Пришлось родителям взять учителя, чтобы на дому подготовить меня в 1-й класс гимназии.

Вскоре на место Т-ва прислали нового смотрителя, более энергичного, а Т. остался рядовым учителем. Н-ов<sup>37</sup> был большой общественник и не в смысле какой-нибудь общественной работы, а любил он провести время у добрых знакомых или в общественном собрании за карточным столом, за игрою в «винт», широко тогда процветавшей.

В штате Верхнеудинского уездного училища числились три учителя и непременно священник, преподававший «Закон божий». Они же являлись и

---

<sup>36</sup> Титов

<sup>37</sup> Немчинов

преподавателями в женской прогимназии, а штатный смотритель председательствовал на ее педагогических советах.

Начальницей женской прогимназии долгие годы была Анохина, почтенная старушка. Ее роль сводилась к председательствованию, а всеми делами прогимназии орудовал штатный смотритель.

У меня сохранилась интересная фотография – группа учителей уездного училища и прогимназии со школьным врачом и с «практикантками» (6 девушек), стажировавшимися на сельских учительниц. Все, не исключая и практиканток, одеты в форму: мужчины – в вицмундирных фраках, женщины – в однообразных со светлыми пуговицами длинных платьях, обшитых белыми кантами. Форму для женщин выдумал не иначе, как Н-ов, любивший в деле показную сторону.

Уездное училище помещалось в двухэтажном каменном доме на Базарной площади<sup>38</sup>, здесь же находилась и квартира смотрителя, а женская прогимназия ютилась в небольшом деревянном доме на Троицкой улице<sup>39</sup>, напротив городской больницы. Здесь же, в маленьком доме в три окна проживала начальница прогимназии.

Тесное и неудобное помещение прогимназии не соответствовало предъявляемым к школе требованиям. Позднее рядом с ним, в сторону к Базарной площади, построили еще такое же деревянное здание и соединили старое с новым каменным коридором с парадным ходом<sup>40</sup>. Но открывавшуюся полную женскую гимназию и это помещение не удовлетворяло. Тогда сделали ещё пристрой в глубину двора.

Сколько учащихся было в уездном училище, сколько в прогимназии, сказать не могу, но приблизительный подсчет можно сделать, исходя из цифр – не больше тридцати человек в классе. Тогда получится, что в уездном училище числилось до 90-100 человек, а в женской прогимназии до 120.

---

<sup>38</sup>

<sup>39</sup>ныне там Республиканская станция юных техников

<sup>40</sup>

Уездное училище, если не ошибаюсь, содержалось исключительно на казенные средства, а прогимназия дотировалась городской думою, и кроме того при ней имелся попечительский совет из именитых граждан города, изыскивавший средства для поддержки ее. Так ежегодно в пользу прогимназии устраивался традиционный бал-базар, на котором, между прочим, продавались и рукодельные работы, часто весьма изящные, девочек-учениц. Ставились также в пользу прогимназии любительские спектакли.

В школах преподавались детям, конечно, только начала некоторых наук. Приходится отметить, что особенно усиленно насаждалась религия, как оплот царизма, и преподаванию так называемого «Закона божия» отводилось среди других предметов предпочтительное место – до 5-6 уроков в неделю. Преподавателями являлись священнослужители христианского культа.

Взятый для подготовки моей в гимназию Август Иванович Миллер не был собственно учителем, а оказался им случайно. Он был просто ссыльно-поселенец, но за что сослан, так и осталось для меня невыясненным. Тем не менее, не побоялись взять его в дом. Оказался Август Иванович человеком добрейшей души, и два года, проведенные им в нашей семье, оставили у меня о нем светлую память, как о товарище и друге моего детства.

Лечебное дело, как и просвещение, оставляло желать лучшего. В городе было всего два врача: уездный (полицейский), он же нес таковые обязанности по городу. Должность эту занимал П-ко. Второй врач был военный С-оев<sup>41</sup>, он же несколько лет по совместительству заведовал и городской больницей<sup>42</sup>.

К уездному доктору население почти не обращалось, да он редко и находился в городе и не столько отсутствовал по служебным делам, сколько ради своей страстишки к золотоискательству. Просадит бывало все свои деньжата в эту затею и бегаёт потом по знакомым, организуя товарищества на паях и, собрав до 200-300 рублей, не корыстуясь, по-честному, снова

---

<sup>41</sup> Сысоев П.Д

<sup>42</sup> создана в 1869 году на средства города

закапывает их в землю. Умер он в ранние годы. На смену явился Б-ко<sup>43</sup>, молодой, но серьезный и, видимо, знающий врач. К нему охотно обращались больные. Когда впоследствии открылась железнодорожная больница, он стал заведовать ею и пробыл на этом месте много лет. Б-ко был прекрасным актером-любителем и принимал самое горячее участие в любительских спектаклях, часто являлся их организатором.

Д-р Сысоев пользовался большой популярностью и уважением горожан за свою чуткость и отзывчивость. Говорили, что в его квартире не закрывались на ночь двери, чтобы облегчить к нему доступ нуждающихся. По первому зову всегда спешил к больному. Пробыл С-оев в Верхнеудинске лет пять, а затем перевелся в свой родной город Красноярск, занялся здесь глазными болезнями, стяжал тоже добрую славу и умер в престарелых годах.

Упомяну попутно о случае в связи с личностью д-ра С-оева, имевшем место в больнице, которой я заведовал уже в советское время. В моем приемном кабинете среди портретов других врачей, работавших в больнице, висел на стене и хороший портрет д-ра С-оева в полной парадной форме с висячими эполетами, во всех регалиях. Посетивший больницу комиссар П-ев не успел как следует открыть дверь в кабинет, как ему бросился в глаза этот портрет, и он, не поздоровавшись даже со мною, моментально вскипел гневом.

– Это что за безобразие – поразвесили генералов! Убрать немедленно!

Пришлось спокойно объяснить в чем дело, и П-ев тотчас же остыл. А через несколько дней портрет со стены исчез. Расследованием удалось установить, что один из санитаров больницы, недоумок, выколол на портрете и сжег его в печи. Я очень подосадовал, что погиб хороший портрет хорошего человека, много потрудившегося для Верхнеудинска и вообще для человечества. Оправдалась мораль: не по платью суди человека, а по делам его.

---

<sup>43</sup> Болтенко Г.Д.

С-ова сменил в городской больнице д-р К-кий<sup>44</sup>, молодой, но уже с большою склонностью к выпивке. Надо сказать, что пороком алкоголизма страдали многие врачи, вероятно, «среда заедала». К-кий проработал в городской больнице не меньше 15 лет и умер сравнительно в молодых годах.

Большой популярностью, как лекарь, пользовался также фельдшер Фев<sup>45</sup>, из кантонистов, еврей, маленький, подвижный, хлопотливый, одним из любимейших средств у которого в детской практике бывало смазывание зева чистым дегтем.

– Помазать надо, непременно помазать! – заявлял эскулап и смазывал ребятам зевы, как втулки колес, тем более, что такому сравнению соответствовало и само лекарство – деготь.

В правительственном штате числилась городская акушерка. Должность эту долгие годы занимала Марио-де-Пуш, судя по фамилии, француженка, но как она попала в Верхнеудинск, какова была ее биография, едва ли кто знал.

Пожилая, одинокая, строго выдержанная, аккуратная и неболтливая, она тоже пользовалась большим уважением и почетом.

В деле врачевания верхнеудинцев немалую роль играл и цирюльник Р., тот самый, что окривел из-за самодурства начальнической особы. Он направо и налево прикидывал кровососные банки, являвшиеся в те времена излюбленным средством обывателя «очищать дурную кровь». У Р. имелись постоянно в запасе также пиявки. Скромный и тихий, с ремеслом невинным, а кровожадность проявлял прямо парадоксальную!

О больнице того времени сказать определенного ничего не могу. Сколько кроватей в ней числилось, как была обставлена, какие и как лечились больные, как содержались, не знаю, но, надо думать, что вся постановка больничного дела недалеко еще ушла от гоголевских времен, когда Артемий Филиппович проповедовал, что «незачем убыточиться и

---

<sup>44</sup> Казанский И.И.

<sup>45</sup> Францев

выписывать дорогих лекарств. Человек простой, если умрет, то и так и умрет, если выздоровеет, то и так выздоровеет».

Считаю уместным привести следующий случай из моей врачебной практики, связанный с Верхнеудинской городской больницей. Правда, относился он не к 70-80 гг., а к 900-ым, но все же косвенно он будет показательным. Как-то летом меня, молодого ординатора акушерско-гинекологической клиники в Казани, гостившего на вакации<sup>46</sup> в Верхнеудинске, пригласили сделать гинекологическую операцию в городской больнице по поводу причиненной женщине тяжелой травмы. Мне, работавшему в прекрасной клинической обстановке, пришлось оперировать в удивительных условиях, в комнате, где стоял стол, покрытый сомнительной чистоты зеленой скатертью с серебряною бахромою. Здесь происходили еженедельно заседания Военского присутствия. Инструментарий оказался настолько скудным, что не было даже иглодержателя. И такая обстановка была на грани XX века. Можно судить, как было поставлено дело больничное за 20-30 лет до этого.

Больница в хозяйственном отношении подчинялась городской управе, которая назначала смотрителя ее, всецело подчиненного распоряжениям врача.

В медицинском отношении больница подчинялась врачебному инспектору, вероятно, сначала при Иркутском губернском управлении, а с организацией в 1884 году нового Приамурского Генерал-губернаторства при Читинской «областнухе».

Когда в 1906 году я вступил в заведование больницей, я получил в наследство книгу, предназначенную для записей знатными лицами, посетившими больницу, своих впечатлений. Завел ее, по-видимому, доктор К-кий. Записей значилось немного, – больше врачебных инспекторов, какого-то одного губернатора да двух-трех архиереев. И все они учинены были, главным образом, при д-ре К-ком, и все они в достаточной степени

---

<sup>46</sup> каникулах



лестные: иначе не стоило и книгу подталкивать. Дальше книга почти что оказалась в забросе: или исчезли знатные посетители в больнице, или просто не стали пользоваться ею врачи.

Население же боялось больницы. Санитарный надзор по городу совсем отсутствовал, если не считать, что это сложное и ответственное дело выполнял до некоторой степени по своему умению, разумению и своеобразно полицейский надзиратель.

Немалую роль в лечении горожан играли ламы. Большой славой, как целитель, пользовался лама Шалотайского дацана Шойнзон Урельтуевич Урельтуев, впоследствии – бандидо-хамба-лама главного Гусиноозерского дацана.

Лечили ламы исключительно высушенными травами, превращенными в порошки. Лекарства возили с собой в кожаном из мягкой желтой кожи мешке, наполненном маленькими из такой же кожи мешочками с порошками. От лекарств этих всегда исходил терпкий, но неприятный запах. К мешочкам были привязаны маленькие дощечки с надписями по-монгольски, вероятно, названий лекарств. Мерочкою брали или из одного мешочка или из нескольких и делали смесь. Порошки завертывали в мягкую китайскую бумагу, и назывались они задачками. Лечение назначалось курсовое – два-три порошка в день в течение недели или двух, а иногда и месяца.

Оригинально лечили душевнобольных. На выбритое темя, на грудь и на живот ставились «моксы», что-то вроде ароматических «монашек», которыми раньше душили в комнатах. Моксы зажигали, хабурики (ламские ученики) их раздували. В результате получался ожог тела размером в двугривенный. В ожог втирался пепел от моксы, а в дальнейшем поддерживалось некоторое время нагноение в ранках.

Больных ламы не осматривали, разве только пульс пощупают да на язык взглянут. Все сведения о болезни ограничивались рассказом самого больного.

Поистине героическое лечение моксами не являлось единственным в народной практике. С укушенными бешеными животными поступали тоже своеобразно. Пастеровских станций еще и в помине не было, и надо бывало что-то предпринимать, чтобы предотвратить страшное смертельное заболевание бешенством, угрожавшее пострадавшему. Таких людей возили на Байкал. В лодке отплывали от берега, привязывали укушенного бешеным животным к веревке и три раза протягивали его под лодкой в глубоком убеждении в действенности такого способа в смысле предохранения от заболевания бешенством.

Не отошли в те годы еще полностью знахари и знахарки с нашептываниями, наговорами, вспрыскиваниями с уголька, окроплениями «святою водою». Одним из радикальных средств ото всех болезней считалась баня: попариться хорошенько, прогреться, напиться горячего чаю с рюмкой, другой перцовки, укутаться да выспаться – все недуги, как рукой, снимет.

Случались в городе и эпидемические заболевания. Заболевания оспой почти не выводились. Заносилась она в город, вероятно, чаще всего от семейских, которые не признавали у себя оспенных прививок, считая их «антихристовою печатью». Поэтому многие из них имели покорябанные лица.

Детрит бывал в ограниченном количестве, ревакцинации почти не делались. В школах прививки производили так: прививали вакцину десятку ребят, и когда у них созревали пустулы, то содержимое их прививали другим детям, не считаясь с тем, что таким путем был риск внести какую-нибудь от непроверенного ребенка инфекцию. Вот в таком-то весьма печальном состоянии и находилась лечебная помощь населению в старом Верхнеудинске.

Аптека была одна, частная, Ж-на<sup>47</sup>, помещалась в маленьком домике против Собора. Как и кем обслуживалась, насколько полно снабжалась медикаментами, не знаю, но, полагаю, – все в ней было в скромных размерах.

---

<sup>47</sup> Жабин

Одно хорошо запомнилось: всякие порошки и пилюли аптека отпускала в нарядных коробочках, иногда с картинками, которыми в детские годы скрашивались даже и самые болезни. Пилюли отпускались часто для красоты позолоченными. Отсюда, очевидно, пошло выражение «позолотить пилюлю».

В большой пожар 78 г. аптека эта сгорела, и аптечное дело город взял в свои руки. Первое время после пожара аптека помещалась в маленьком в два окна флигелечке при больнице (ныне не существует). Потом ее перевели на Соборную улицу. В дальнейшем в этом доме поместилась Дума с управою, а аптека устроилась в доме Лосева (угол Лосевской и Базарной).

Торговля в городе шла больше мелочная. Крупных фирм и именитого купечества не существовало, за исключением, пожалуй, одного только купца Г-ина<sup>48</sup>, владельца Николаевского винокуренного завода, расположенного верстах в 30 от города, существующего и работающего поныне<sup>49</sup>.

Занимались торговлею больше евреи и китайцы. Последние торговали исключительно своими китайскими товарами. Из тканей у китайцев в большом предложении и ходу были: грубая, прочная, дешевая, синего цвета далемба и шелковая чесура от тонкой, легкой, называвшейся «дамской», до более тяжелой и мужской. Как далемба, так и чесура отличались удивительной прочностью – износа им не бывало. Нежной, прямо воздушной являлась фанза разной расцветки, а китайские муары были плотны, почти, как парча. Но основная торговля велась все же чаями, особенно зеленым кирпичным, дешевым и любимым простым народом и бурятами.

Из остальных товаров переименую: различные вещи для буддийского культа и, между прочим, ароматические, желтого цвета палочки. Если зажечь такую палочку, она тлеет до конца, давая приятный аромат. Курили их буряты на своих алтарях перед бурханами, имевшимися непременно в каждой юрте, в почетном углу; фарфоровые чайники и чашки; финтяус –

---

<sup>48</sup> Голдобина

прозрачная лапша, после варения скользкая, но вкусная, как гарнир к мясным блюдам; китайский уксус, густой, черного цвета, с резким специфическим, пожалуй, для непривычного носа даже неприятным запахом, но когда привыкнешь к нему, то он является прекрасной приправой ко всяким блюдам и, в особенности, к пельменям; пастила пластами пальца в два толщины, обсыпанная с поверхности мукой, из какой-то черной сладкой массы с густо вмешанными в нее грецкими орехами; пастила яблочная в роде джема, более дорогая, в ящичках; пастила, тоже, яблочная в форме листов толстой оберточной бумаги, свернутых в трубочки; липучки, красный сахар-леденец. Но что было всего вкусней – это зимние мороженые фрукты: груши, яблоки, рязань (маленькие яблочки), из которых главным образом варили варенье, и чудесный, великолепными гроздьями виноград.

Торговали и маленькими ракетками-хлопушками для удовольствия ребят. В теплое время мальчишки обычно занимались пальбою на горе.

Сами же китайцы скупали пушнину и хищническое золото и переправляли на родину.

Считаю уместным сказать несколько слов о быте китайцев, хотя они и являлись пришельцами, элементом городу чуждым, но все же представляли значительную группу, чтобы не пройти мимо нее молчаливо. Конечно, мои впечатления о быте китайцев будут только поверхностными, как я его тогда наблюдал и воспринимал. Одевались китайцы в широкие кофты или в длинные халаты предпочтительно синего цвета (у богатых – шелковые), в исподние белые штаны, а поверх их в другие, из более плотной материи. Последние покрывали ноги только немного выше колен и подвешивались к поясу тесемками. Чулки бывали матерчатыми и обувь тоже матерчатая с загнутыми несколько носками и толстыми подошвами. На головах носили легкие из шелковой материи шапочки. Лоб выбривали, но косы с вплетенными в них шелковыми шнурками имели до пят. Усов и бород у них не росло, а если у некоторых и появлялась растительность, то весьма жалкая. Некоторые отращивали на мизинце ногти невероятной длины, извивавшиеся

и штопором, и кольцами, холили их и лелеяли, берегли и прятали даже в особые легкие футлярчики. Подобных китайцев в современности даже в недрах Китая можно встретить только в музеях древности.

У китайцев, торговавших в доме Лосева (угол Лосевской и Базарной), имелась своя китайская кухня, где повар-китаец изготавливал своеобразные блюда. У наших китайцев парадных обедов не устраивалось, а кяхтинские купцы часто заказывали такие обеды в Маймачине (соседний с Кяхтой китайский городок), как для себя, так и для каких-нибудь заезжих почетных гостей. Угощали на этих обедах всякими диковинками, включительно до трепангов, в обеде бывало до 20-30 смен кушаний. Особенно вкусно зажаривали поросят – свое любимое блюдо. Ели китайцы пальцами, но многие – двумя палочками, с помощью которых даже скользкая лапша ловко попадала из чашки в рот кушавшему.

Спиртными напитками пользовались двумя: ханшином и майголо, вероятно, и тот и другой 100%-ой крепости. Пили подогретыми в чайничках и из маленьких, вместимостью наперстка в три, чашечек. Пьянели быстро. Говорят, что на другой день для похмелья стоило выпить немного воды, чтобы быть опять пьяным.

Приходилось видеть и пьяных китайцев и пьяные между ними драки. Дрались, что называется, «с чувством, с толком, с расстановкой». Расцарапанные, окровавленные, все в синяках посидят немного, передохнут и снов в бой. И так до нескольких раундов, пока не обессилеют оба драчуна. Разнимать драку бывало некому: полиция не являлась, а толпа со свойственной ей жадностью и любопытством, глазела на бой.

Были они и заядлыми курильщиками табака, а некоторые, из более пожилых, – и опиума. Табак курили из маленьких медных с длинным чебуком<sup>50</sup> трубочек вместимостью на две-три затяжки. Для курения опия существовали специальные трубки. В такой трубке яд шипел при сгорании

---

<sup>50</sup> полый деревянный стержень, на который насаживается курительная трубка и через который курящий втягивает дым

зловеще, прямо по-змеиному. Курили полулежа, на своих постелях, накурившись и одурев, тут же сваливались и засыпали.

Не лишены китайцы были и эстетических движений, правда, весьма примитивных. Появлялись среди них музыканты и певцы. Музыкальный инструмент был струнный с одной струной, похожий на маленькую мандолину, но с длиннейшим грифом. По струне водили лучкообразным смычком, из-под которого вырывались отнюдь не мелодии, а какие-то дикие, высокие звуки, служившие часто аккомпанементом для такого же пения, которое состояло из мяуканья, взвизгиваний вперемежку с чиханьями. С современной китайской музыкой и пением, которые приходится слышать по радио, безусловно, никаких родственных корней не отыщешь.

Китайцы любили игру в «жестку». Свинцовый кружочек величиною с трехкопеечную монету со вделанным в него коротеньким пучком конских волос – вот «жестка». Боковым ударом согнутой в колене ноги ее подбрасывают вверх иногда на большую высоту, ловят и подбрасывают ногой снова. Игра на состязание – кто «выбьет» больше. Китайцы в этой игре бывали настоящими жонглерами: около них «жестка» летала, как послушное насекомое.

Русские мальчишки почти каждый носил «жестку» в кармане и в свободную минуту «выбивал», а в школах на переменах только этим и занимались.

Иногда появлялись бродячие по домам китайцы-фокусники. Расстелет бывало, такой маг и чародей посредине комнаты свой потрепанный коврик и без помощников, без аппаратов покажет такие чудеса, что не знаешь как и удивляться.

У лосевских китайцев имелся огород, соприкасавшийся с нашим (отцовским) двором. Мы, ребята, часто висели на заборе и с любопытством наблюдали за работающими китайцев-огородниками. С каким трудолюбием и кропотливостью бывало ухаживали они за каждым растеньицем и, конечно, по осени пожинали всегда хороший урожай. Огурцы

предпочитали разводить свои – китайские, вьющиеся по палкам, с удлиненными, но невкусными плодами. Грядки устраивали не насыпные, а углубленные в землю, так что дорожки бывали несколько выше грядок. Все бывало приятно и завлекательно для наблюдения, пока не начиналась поливка огорода. Тогда приходилось зажимать носы и «смываться» с забора, – поливали китайцы огород разведенными человеческими экскрементами.

Жили китайцы без жен. В те времена существовал в Китае закон, запрещавший женщинам покидать родину. Возможно, бывали у китайцев связи с русскими женщинами, но одно могу утверждать: прирост городского населения метисами не пополнялся.

Еврейская торговля находилась, главным образом, в Малом гостином ряду. Торговали мануфактурой, галантереей, трикотажем, скобяными изделиями, стеклом и прочим всяким мелочишком.

В эти годы стал забирать силу купец Ц-кий<sup>51</sup>, который потом первый открыл в городе более или менее солидный магазин мануфактуры и галантереи.

Русские купцы К-ов, М-ой<sup>52</sup>, О-кин<sup>53</sup> торговали в Большом гостином ряду, и торговля у них не процветала. «Торговали – веселились, подсчитали – прослезились.» Впрочем, едва ли веселье бывало – умирали от скуки, как осенние мухи, и, чтобы как-нибудь убить время, дулись друг с другом в шашки да пили чай до седьмого пота.

Бакалейный магазин существовал один – М-ва<sup>54</sup>, помещался в небольшом каменном домике в три окна (ныне существует) по Лосевской улице<sup>55</sup>. Снабжался магазин товарами в достаточной степени полно и разнообразно, включительно до французского шампанского. Появлялся иногда и английский портер, какими путями – и сейчас не понимаю.

---

<sup>51</sup> Цыгальницкий Евсей Гурьевич

<sup>52</sup> Мордовской Александр Егорович, купец II гильдии

<sup>53</sup> Овсянкин Александр Васильевич

<sup>54</sup> Меньшиков Н.

<sup>55</sup> Ул. Коммунистическая, 21«Г»

Завозили консервированные ананасы в банках, а однажды продавались даже кокосовые орехи.

Колбасный магазин отсутствовал, колбасы делались домашние, окорока отдавали коптить специалисту этого дела, а то и сами коптили.

Кондитерская была одна ссыльного поляка Г-го, скромная, и кондитерское дело не развивалось. Горожане предпочитали довольствоваться домашними тортами, пирожными и печеньями.

Говоря о торговле, небезынтересно отметить цены, существовавшие в те времена на продукты и на некоторые предметы обихода, а также оплаты труда. Мясо – 5-7 коп./фунт<sup>56</sup>; масло – 30-40 коп./ф.; молоко – 10 коп./крынка (2-3 бутылки); мука ржаная – 50-60 коп./пуд<sup>57</sup>; крупчатка (I сорт) – 1 руб. 20 коп./пуд; орехи – 80 коп./пуд; омуль – 5-8 коп.; яйца – 80 коп./сотня; осетрина: осетр холостой – 3-4 руб., осетр икраный – 5-8 руб.; икра осетровая – 40 коп./ф.; куропатки – 6-8 коп./пара; боровые рябчики – 12-15 коп.; пара курегашек (молодой барашек) – 50-60 коп.; поросенок – 30-40 коп.; заяц – 6-8 коп.; овес – 25 коп./пуд; сено – 8-10 коп./пуд; дрова с вывозкой во двор – 90 коп./погонная сажень (лестничества не существовало, пошлиной не облагались). Ботинки – 2 руб. 50 коп., ситец – 7-10 коп./аршин. Плата в месяц на готовом хозяйственном содержании: горничной – 2 руб., кухарке – 3 руб., работнику-кучеру – 7 руб. работник прилавка (приказчик) – 20-25 руб./месяц, более видный чиновник – 100-120 руб.

Но гвоздем городской торговли бывала, безусловно, ежегодная солидным (до миллиона, даже до полутора) оборотом для того времени ярмарка. Приурочивалась ярмарка ко времени, когда становился Байкал и прокладывался через него путь по льду. Приблизительно к 10-15 января лед крепко смерзался. Ярмарка открывалась 18 января (все старый стиль) и продолжалась до февраля месяца.

---

<sup>56</sup> Чуть больше 0,4 кг.

<sup>57</sup> 16 кг.



На ярмарку приезжали купцы из Иркутска, из Томска, из Ирбита и Тюмени. Для торга служила, главным образом, Базарная площадь. Здесь расхватывались все пустующие лавки. Оживал также и Большой гостиный двор, в обычное время более чем на половину мертвый. В лавках все навезенные товары не умещались, и груды ящиков, кули с крупчаткой, цибики чая громоздились целыми штабелями прямо на улице, около лавок под открытым небом и окарауливались ночными и дневными караульными.

Торговали на ярмарке чаями, пушниной, кожами, мануфактурой, галантереей, трикотажем, бакалеей, парфюмерией, ювелирными изделиями, часами, тюменскими коврами, томской крупчаткой, медом, маслом, мороженой рыбой (стерляди, сиги, нельма), стеариновыми свечами, мылом, посудой, книгами, скобяным товаром и прочим.

Ярмарка снабжала товарами не только Забайкалье, но и Дальний Восток на целый год и проходила, главным образом, в оптовых сделках. Более зажиточные горожане многими запасались товарами тоже на целый год, чтобы не переплачивать потом у местных торговцев.

В балаганах, выстраивавшихся на площади в ряд, наподобие улицы, бойко торговали по мелочам всякой всячиной. Были балаганы с посудой, с игрушками, со сладостями.

Особенно много народа толпилось около книжного балагана, где в изобилии бывали развешены лубочные картины, в большинстве – батальные, изображавшие дерущиеся войска, отличавшиеся окраской мундиров, причем эта окраска на щадила часто и физиономии сражающихся. В ходу бывали картины с изображением страстей человеческих и непременно с моралью – торжество добродетели и посрамление порока. Охотно раскупались и книжки дешевых изданий Сытина, Пазухина, братьев Пастуховых (5-10 коп. за штуку) с яркими завлекательными обложками и многообещающими заголовками. Процветала торговля песенниками, сонниками и оракулами. Появлялись на ярмарке, как везде в таких случаях, балаганы с увеселениями

– паноптикумы, акробаты, жонглеры, фокусники. Был однажды японский цирк Сулье (без зверей) с весьма ловкими акробатами и жонглерами.

Народу наезжало на ярмарку столько, что в каждом доме люди буквально сидели друг у друга на головах. Многие верхнеудинцы на квартирантах хорошо подрабатывали, тем более, что постояльцев приходилось кормить, из-за неимения в городе столовых, ресторана. К ярмарке домохозяйки обычно заготавливали мешки мороженных пельменей, которыми, главным образом, и питался наезжий люд. По Мокрослободской улице и по многим другим почти каждый двор превращался в постоялый, где находили пристанище многочисленные обозы с ямщиками и лошадьми. На ярмарку приезжало много бурят.

Вот в эти-то ярмарочные горячие дни, когда жизнь кипела в городе, как в котле, и устраивали в пользу приюта арестантских детей лотерею-аллегри, а в пользу женской прогимназии – традиционный бал-базар, дававшие всегда хорошие денежные сборы. На лотереи-аллегри затянутые кумачом полки, украшенные зеленью, ломились от выигранных вещей, в большинстве подобранных так, чтобы они сверкали и сияли. Самовары, кофейники, металлические изделия и посуда, подносы, подносики, стекло и фарфор, флаконы духов и прочее – всё это, расположенное в живописном порядке, соблазнительно призывающе лезло в глаза посетителю и влекло его к колесу с билетиками, где каждому предоставлялась за двугривенник (стоимость билета) испытать свое счастье. Но главным выигрышем являлись лошадь или корова, обычно кем-либо пожертвованные. Многие из вещей и даже ценных также являлись жертвованными. Азарт около лотерейного колеса вообще разыгрывался всегда большой и, пожалуй, с особой страстью у бурят. Хочется выиграть самовар, а тут тебе – коробка с пудрой или билетик с «дымом», как тогда говорилось, т.е. пустой, без номера.

Заканчивалась оживленная, шумливая ярмарка, и город снова замирал и, как бы, погружался в сонливость до следующего января.

О местной промышленности говорить много не приходится, она почти отсутствовала, а если что и существовало, как мыловарение, производство сальных свечей, кирпича, то все это носило характер примитивный, кустарный. Рабочими руками в таких делах являлись, главным образом, хозяйские, но, возможно, что прихватывались и наемные.

Между прочим, в городе некоторое время существовало не один, а даже два водочных завода – Н-ера и Г-на, приготовлявшие различные настойки из трав и вкусные, густые, сладкие наливки по большей части из местных ягод. Бутылка наливки стоила 70-80 копеек. Пива не было.

Приблизительно в начале 80-х годов на верхнеудинском горизонте появился А.К. К-ин<sup>58</sup>, молодой, лет 20-ти, человек, родом из Акши, тихий, скромный со столь же скромным имуществом – постелюшкой в ремнях, небольшим чемоданчиком, платьем, что на себе, да с десятком-другим рублей в подержанном бумажнике, без всякого образования, выучившийся только самоучкою писать каракулями. В звании водочного мастера завода купца Г-на начал он варить наливки и делать настойки и ко времени Февральской революции имел в городе на Большой улице каменный дом, винокуренный Николаевский завод, стеклоделательный завод, три пивоваренных – в Верхнеудинске, Чите и Нерчинске и два магазина – бакалейный и мануфактурный. К-н был инициатором зарождения местной промышленности фабричного характера. Умер он в первые годы революции от истощения, изнурения и упадка сил (маразма) в возрасте лет 65-ти.

В городе имелась одна гостиница К-ой в небольшом доме по Базарной улице, с тремя-четырьмя номерами и с бильярдом. Потом гостиница перебралась в большой деревянный двухэтажный дом по Проезжей улице.

Существовавшая фотография Х-ова еще недостаточно хорошо освоилась со своим искусством и выпускала фотографические снимки какого-то серого, тусклого цвета, но прочности стойкой: несколько фотографий в неизменном виде сохранились у меня до сего времени.

---

<sup>58</sup> Кобылкин Александр Козьмич

Городская библиотека<sup>59</sup>, в достаточной степени полно снабженная книгами<sup>60</sup>, преимущественно беллетристическими, за небольшую плату выдавали книги для чтения на дом.

Выписывались газеты и журналы. Своей местной газеты не издавалось. Ближайшая – «Восточное обозрение» издавалась в Иркутске. Книжного магазина тоже не было. Из Петербурга газеты шли больше месяца и, имея интерес момента, они, конечно, в значительной степени теряли свежесть.

Общественной бани не существовало, и только приблизительно в середине 80-х гг. появилась частная, для общего пользования, баня Н-го, приблизительно на том же самом месте, где находится теперешняя. Во многих домах имелись собственные баньки, приткнувшиеся где-нибудь в уголке двора или на огороде. Обыватели любили париться, и для этой цели на целый год заготавливались по весне березовые веники, а также и для пользования в домашности, для подметания полов.

Ни ванн, ни теплых уборных даже при лучших квартирах не было. Уборные сооружались в виде будки на почтительном расстоянии от жилья, что представляло в зимние морозы не только большое неудобство, но и грозило риском простуды. К сожалению, некультурность эта не изжита и по настоящее время, хотя в городе имеется уже водопровод, но, правда, нет канализации. Надо о последней подумать!

Городская бойня, примитивно оборудованная, находилась приблизительно на том месте, где механлит; позднее уже более благоустроенная, с проживанием при ней ветврача, была построена на месте, где теперь стекольный завод.

Извозчиков в городе не водилось. Первый велосипед появился в конце 80-х гг. и не на пневматической дутой шине, а на массивной резиновой. За велосипедистом, как за необычайным явлением, гонялись с угрожающим гомоном стаи собак и только-только не хватали отважного за ноги, а

---

<sup>59</sup> Открылась 1 ноября 1881 года

<sup>60</sup> 800 книг, пожертвованных библиотеке Меньшиковым

встречные люди останавливались и дивились. Я по знакомству часто пользовался этим велосипедом и если был не первым, то вторым по счету велосипедистом в городе.

Отмечу еще некоторые бытовые факты. Появление первого рояля должно быть отнесено к середине 80-х гг. Швейная машина, ручная «Зингер», с чугунным остовом и на ножках, без постаментов и футляра появилась в середине 70-х гг. Не существовало мясорубок, мясо рубили в деревянных корытцах полукруглыми ножами с приделанными к ним деревянными ручками – «сечками». Писчими металлическими перьями и карандашами пользовались уже широко, но «гусиное перо» все еще существовало, как пережиток, и в случае каллиграфического письма писцы оказывали ему предпочтение. Так называемых «шведских» спичек (с безопасным фосфором на коробках) еще не было, а пользовались «серничками», где ядовитым фосфором покрывалась самая головка. Они неприятно пахли, зажигались при трении о любой предмет и могли даже самовоспламениться. Продавались спички в круглых бумажных пачках (штук по 40) с такими же колпачками. Являлись самым доступным ядом для самоубийц: обламывались головки, настаивались в воде. Среди случаев самоотравлений это способ преобладал. А ребятам подчас доставляли удовольствие намазать головками руки, а то – и лицо, и светиться чудесно в темноте. Носить в карманах избегали, и курильщики предпочитали пользоваться «огнивом» и трутом, с помощью которых добывался огонь. Не стеснялись и из загнетки извлечь уголек для разжигания трубки.

В школах среди приготовишек процветали аспидные доски с грифельными, хотя в бумаге недостатка, по-видимому, не испытывалось, и лучшие сорта бумаги фабрики «Говард» не уступали, пожалуй, современным.

Уксусной эссенции еще не существовало. Во многих домах в больших стеклянных банках держали «уксусное гнездо». Такой естественный уксус, полученный путем брожения был далеко ароматнее и приятнее на вкус, чем уксус лабораторный.

Пчел в крае не водилось. Мед завозили из Томска, обычно в высоких круглых бадьях. Оттуда же доставлялась медовая коврижка, которая и называлась «томской». Из Томска же в значительных количествах получали прекрасное топленое масло и ядровое мыло, несмотря на то, что Забайкалье являлось краем скотоводческим. Первая пасека с двумя-тремя ульями была оборудована много позднее священником Т-х в с. Шишкиной, и с той поры начался быстрый рост пчеловодства.

Я нанизал, сам сознаю, в беспорядке – это не важно, – целый перечень фактов. Я нахожу, что все они заслуживают быть отмеченными для полноты обрисовки жизни старого Верхнеудинска.

Никакой просветительной работы, ни популярных лекций, ни научных бесед и докладов в городе не велось. Подавляющая масса населения пребывала в безграмотности. Воскресных и вечерних школ для народа не существовало. Но попытки бывали,

Отмечу, пожалуй, попутно что первая воскресная школа для бесплатного обучения грамотности взрослых была организована много позднее, именно в 1904 году, инспектором народных училищ Окунцовым, но просуществовала под его руководством недолго. Началась революция 1905 года, Окунцов был арестован, и школа прекратила свое существование. Вновь она была восстановлена в 1908 году учительницей Е.А. Танской, которая вместе со своей сотрудницей А.М. Тяжеловой, тоже учительницей, бесплатно повели это дело. Одновременно учительницей Танской были организованы воскресные чтения для народа, в которых, помимо организатора, принимали участие и другие учителя. На это дело городская управа ассигновала сто рублей и собирались небольшие средства в виде членских трехрублевых взносов с добровольных участников, преимущественно учителей. Был приобретен даже проекционный фонарь, выписывались к нему картины, оплачивались и другие мелкие расходы – на уборщицу, за печатание и расклейку объявлений о лекциях и прочие. Но и на

этот раз добрые начинания не укоренились: по каким-то не зависящим от организаторов причинам чтения просуществовали только два года.

Но кабаки процветали. Здесь продавалась «сивуха», она же – сиволдай», то есть водка, приготовленная из спирта-сырца. Тогда еще ректификация спирта не производилась, а шел он в употребление неочищенным, и примесь в водке сивушных масел имела сугубо одурманивающее и отравляющее влияние на потребителя. В винных складах для высшего сорта водки, рассчитанного на более денежного потребителя, производили в ограниченных количествах фильтрацию ее в конических холщевых мешках, наполненных послойно березовым углем и песком. Но повального, беспросветного пьянства все же не бывало – «гуляли» больше по праздникам.

Существовала, вероятно, и проституция – это неизбежное пока зло для всякого времени и для всякого общественного строя, но только нелегализованная, без регистрации в полиции. Поэтому и института для девиц, где «не преподавались древние языки», также не существовало.

Зато попы не дремали, насаждая религию и укрепляя авторитет церкви, тем более. Одним из эффективных средств для этого были торжественные крестные ходы, которые проводились в широком размахе. Самый торжественный крестный ход бывал, пожалуй, 6 января (ст.ст.) на «Иордань» на реке Уде. Неподалеку от Собора устраивалась прорубь в форме креста, и вот сюда-то в память крещения Христа в реке Иордани и направлялся крестный ход. В прорубь опускался крест, и вода освящалась. Этой освященной водою верующие домохозяйки запасались на целый год вперед для пользования ее при всяких случаях в бытовом обиходе, где потребовалось бы вмешательство чудодейственной святой силы. Крепко жило поверье, что выкупавшийся в только что освященной воде освобождался от грехов, и находились любители нырнуть в ледяную воду при сорокаградусном морозе. Наивные люди: в проточной воде от кратковременного погружения в нее креста святость, конечно, не могла долго

задерживаться и тот час же уносилась течением! Но вера, как ей полагается, и слепа, и глупа. После молебствия происходил парад местного гарнизона на Соборной площади.

Второй крестный ход более мощный совершался летом, в какую-то «девятую пятницу», к часовенке, находившейся в пяти верстах от города по Читинскому тракту. Сначала – ветхая деревянная, потом – заменённая каменной, часовенка приютилась как раз у мостика через речушку у мостика через речушку Берёзовку, совсем подбравшуюся к Уде. Находясь на почтовой дороге, она была таким де пунктом, как и переправа через Селенгу, для расставания и последних прощаний с отъезжающими на восток, и здесь тоже немало было распито бутылок шампанского. По преданию: на том месте, где поставили часовенку, умер в пути, не доехав до Верхнеудинска, какой-то архиерей, человек святой жизни, который и был похоронен на Троицком кладбище в той самой часовне, упомянутой мною при описании кладбища. Вот сюда-то каждое лето и совершался большой крестный ход – уходило в поход с ним больше полгорода. Представьте себе картину Репина на эту тему, – она заменит описание. Только у верхнеудинцев не участвовали в крестном ходе полицейские урядники (конные) с нагайками. В общем это бывал народный веселый пикник, и после молебствия в часовенке, вся толпа рассыпалась по кустам, всюду вспыхивали костры, повисали над ними чайники, расставлялись закуски и появлялась водочка. Вскоре же кругом горланили песни и шли плясы до самого позднего вечера. А крестный ход на закате солнышка возвращался восвояси и не с такой уже пышностью, как шествовал поутру, – только-только набирался люд из «ортодоксальных», чтобы тащить хоругви и образа, да и то возможно, что для некоторых на не совсем твердых ногах.

Бывал и еще летний крестный ход к ветхой деревянной часовенке на горе, расположившейся в лесочке на бугорке, как раз на том самом месте против нагорной пожарной команды, где были устроены щели во время Второй мировой войны. Почему и когда сооружена была здесь часовенка,



почему совершался к ней крестный ход, для меня, не интересовавшегося религиозными вопросами, осталось и по сие время неизвестным.

И еще два крестных хода: 9-го февраля и 27 ноября к каменной часовне во имя иркутского святителя Иннокентия, которая была на Большой улице, между Большим и Малым гостиными рядами.

Бывали еще «поднятия икон», молебствия на полях от засухи и прочие – вообще немало всяких религиозных церемоний как для развлечения верующих, так и для укрепления в них веры.

В начале 80-х годов в городе не было ни клуба, ни общественного собрания, а между тем потребность общения людей уже существовала и нарастала. Почва была готова, и у одного из учителей уездного училища М.П. Павлова, занимавшего просторную квартиру, возникла идея организовать клуб в частном порядке у себя на дому, где люди могли бы встречаться, обмениваться мыслями, а больше – посудачить, выпить да закусить, в картишки поиграть, потанцевать.

Квартировал Павлов в доме Селиванова по Базарной улице, как раз против отцовской усадьбы. Дом этот существует и поныне с надстроенным на нем купцом Клеманым второго этажа. Организованный клуб стал прозываться «Павловкой», две-три зимы пользовался успехом, охотно посещался публикой. Как была организована его материальная сторона, я и тогда мальчиком не знал, не интересовался, да так она и осталась для меня неизвестной.

Упомяну об одном выдающемся случае из жизни «Павловки», врезавшемся мне в память. Как-то глухою ночью весь наш дом был разбужен и поднят на ноги переполохом и шумом в улице. Оказывается, в «Павловке» произошел крупный скандал. Начальник местной команды крупно поссорился с каким-то «штрюцким» и для устрашения и усмирения врага вызвал по тревоге, в полной боевой готовности подчиненную ему военную силу. Сколько помнится, стрельбы не было, к общему благополучию все обошлось без кровопролитной битвы. Но ночное событие, ночной шум

наделали много в городе шума дневного, надолго послужили предметом для обывательской болтовни и пересудов.

Время от времени город посещали сановные особы: генерал-губернатор, или губернатор, или архиерей. В первых случаях приходили в «священный трепет» власти гражданские и военные, а в последнем духовенство.

Чиновники извлекали из шкафов пропахшие нафталином мундиры, трехуголки, шпаги, чтобы явиться в назначенный день и час на «представление» к его высоко- или просто превосходительству, военные готовились к смотру и параду, духовенство – к торжественным архиерейским службам.

Останавливались сии важные персоны обычно у купца Г-на, когда последним построен был тот самый дом, который поныне существует и занят редакцией газеты «Улан-Унэн»<sup>61</sup>.

Кстати сказать, здесь же останавливался Николай II, когда возвращался из своего путешествия с Дальнего Востока.

С тем не считались, что Г-н по существу был только виннозаводчик – было бы только поудобнее, потеплее да посытнее, тем более, что все это предоставлялось почетным гостям бесплатно.

В 1877-1878 гг. шла Русско-Турецкая война, и хотя шла она за «тридцать земель в тридесятом царстве», но отклики ее докатывались и до Верхнеудинска, тревожили, волновали и радовали и малого и старого. Переживали и переправу наших войск через Дунай, и Плевну, и Шипку, и мирный договор в Сан-Стефано. Восторгались генералами войны: «белым» генералом Скобелевым, Гурко, Радецким и другими.

Почты с газетами и журналами ожидали с нетерпением, в особенности, «Восточное обозрение», где печатались более свежие телеграммы с театра военных действий.

---

<sup>61</sup> Ул. Ленина. Музей истории города Улан-Удэ

Думаю, что некоторые верхнеудинские семьи должны были дать, как призывников, своих отцов и сыновей, но, очевидно, это были единицы и убыль их в городе не чувствовалась. Почти во всех домах щипали «корпию», т.е. вымытые чисто белые тряпочки и лоскутки белой материи, расшинговывали на ниточки. Корпия служила тогда перевязочным материалом взамен ваты.

Было в Верхнеудинске и общественное собрание, помещавшееся в небольшом, пожертвованном купцом Г-ым, доме на Большой улице под горою.

Во главе управления стояли старшины с председателем, которые выбирались членами собрания, платившими членские взносы. Тесное помещение отнюдь не удовлетворяло нужд, и старшины собрания заарендовали для него верхний этаж немчиновского дома (угол Большой и Троицкой)<sup>62</sup>. В новом помещении оказалось несколько больших зал, и явилась даже возможность оборудовать вполне приличную сцену для любительских спектаклей и выступлений редких заезжих артистов.

Любительских спектаклей, непременно с благотворительной целью, ставилось в зиму до пяти-шести, среди любителей провертывались в достаточной степени опытные лицедеи.

Но как обстояло дело в общем с постановкой спектаклей, можно, пожалуй, судить по следующему анекдоту (возможно, были), ходившему по городу. Был праздник местной команды с обедом для начальства и гостей, с приличным, как полагается, возлиянием в честь Бахуса<sup>63</sup>. Вечером шел спектакль в собрании с участием суболтерна-офицера Р. (любителя фейерверков). Ставили пьесу Островского «Лес». Р. играл Несчастливцева. В сцене встречи Счастливецва и Несчастливцева, последний, так сказать, в добавлении к Островскому, разыграл маленький водевиль-«отсебятину». Поставленный в тупик незнанием роли, но не лишенный присутствия духа,

---

<sup>62</sup> Ул. Ленина, здание Музея природы Бурятии и театра кукол «Ульгэр

<sup>63</sup> Древнегреческий и древнеримский бог вина

взбодренного еще винными парами Р., искренне возмущенный, обращается сначала к суфлеру в будку:

– Петр Иванович, что же ты плохо подсказываешь, чего ты там шамкаешь, как старик!

А затем – к своему партнеру – Счастливицеву:

– Петр Васильевич, скажи ты ему, чтобы подсказывал громче!..

В зале – хохот и аплодисменты публики, – совсем попросту, совсем по-семейному, никто не в претензии, никто не в обиде.

Останавливались в городе проездом через Сибирь на Дальний Восток или обратно редкие артисты и выступали на сцене. Так, дали по одному концерту флейтист Тершак (чех) и знаменитый пианист Резенауэр. Раза два приезжал и давал свои представления известный фокусник, волшебник и чародей Роберт Ленц. Появлялись и еще кое-какие артисты, но совсем уже не знаменитые.

Благодаря отсутствию хорошего сообщения сказывалась отрезанность города от культурных центров. Раз или два в месяц, приуроченные чаще к праздникам, устраивались танцевальные вечера. Четырехликий еврейский оркестр под управлением престарелого Аарона – первая скрипка в соучастии с кларнетом, флейтой и контрабасом гремели так, как заправский оркестр, и лихо отхватывали галопы, польки, вальсы и кадрили. Излюбленным танцем бывала кадрили, можно сказать, танец с «китайскими церемониями», во время которого представлялась возможность танцующей паре вдоволь налюбезничаться, включительно до объяснения в любви. Теперь этот неторопливый танец заброшен и позабыт.

Солидные люди играли в карты, в процветавший тогда винт, преферанс меньше любили. Бывал и банчок, но крупной игры не велось, – не было денежных людей.

В немчиновском доме собрание просуществовало недолго. Сделали деревянный пристрой к старому дому собрания с довольно поместительным залом и сценой и соединили оба здания – строе и новое – каменным

коридором. Впоследствии, в каком году – не помню, в ночь под Рождество собрание сгорело. В эту зиму играла в нем драматическая труппа Дубова. Артисты только что собирались поправить на праздниках свои плохие делишки, как случилась катастрофа. Остались бедняги в самом плачевном положении, так что городской общественности пришлось многим из них помочь материально, чтобы выбраться из города.

Картежные вечера устраивались и по домам с неперенной выпивкой между робберами рюмки-другой водки или травычка под закуску. Излюбленной закуской бывал омуль соленый с лучком пластиками, с горчицей в прованском или ореховом масле (под шубкой), да «строганина», замороженная, наструганная тонкими пластиками стерлядь (привозная) или омуль с китайским соусом, солью и перцем. Для строганины предпочитался особый сорт омуля – бубульдейка.

На Рождество устраивались в собрании для ребят елки по подписке.

Молодежь на святках любила маскироваться и ездить по домам. Собирались кружок в 15-20 человек, шили костюмы, намечались дома для посещения, наводились справки, примут ли маскированных, приглашался четырехликий оркестр.

Затем собирались все у кого-либо из участников, и в очередной намеченный дом вместе с оркестром посылался выборный (чаще всего таким посланцем оказывался д-р К-ий) предупредить хозяев, что к ним сейчас придут маски. Молодёжь размещалась парочками по санкам и катила по пустынным улицам, залитым лунным сиянием, и, хотя трели фетовского соловья отсутствовали, их заменял скрип полозьев по подмерзшему снегу, но «шепот, робкое дыханье», несомненно, имели место для многих парочек.

Как только вместе с белыми клубами морозного воздуха появлялась в дверях первая маска, оркестр срывался, как бешеный, и играл ритурнель. Быстро наполнялись небольшие обывательские комнатки маскированными, начинались плясы и святочные игры, маски интриговали хозяев, радушно угощавших гостей легкими винами и сладостями.

15-20 минут шума и оживления, и вся толпа масок исчезала так же быстро, как и появлялась. Хозяева гасили лишние свечи, и в домике снова водворялась тишина.

Вечера заканчивались танцами и ужином или в собрании, или у кого-либо в частном доме, чаще у Г-ных.

На святках всегда играли в святочные игры с хоровыми песнями. Прекрасный пол занимался гаданиями – главным образом о «суженом»: выпускали петуха, жгли бумагу, лили воск, пускали по воде в тарелке зажженный огарок, сидели около зеркала с двумя свечами (лучше в пустой бане), выбегали за ворота узнать имя первого встречного и прочее – и все эти глупости проделывали кто в шутку, кто всерьёз.

Солдаты местной команды с разрешения начальства ходили по домам и представляли или «Стеньку Разина» или «Царя Максимилиана». В последней пьесе фигурирует не только царь Максимилиан и его «непослушный, непокорный сын Адольф», но и черт с рогами и хвостом, гробовщик и смерть, – одним словом, такой миленький ансамбль, чтобы, посмотрев его на сон грядущий, всю ночь кошмарить, особенно детишкам. За исполнение пьесы солдаты получали угощение, иногда по рюмке водки, а то и полтинник перепадал.

В первый день Рождества и в первый день Пасхи люди, словно с ума сходили и метались, что называется, высунувши язык, из дома в дом по своим знакомым с визитами, с поздравлениями. Не бывало, пожалуй, дома, где в эти дни в парадной комнате, сколько возможно принаряженной, не накрывался бы стол яствами и питиями от лукуловского по обилию и гастрономии до самого скромного с бутылкой «очищенного» и неизменным омулем на закуску. Визитеры собирали рюмки, и нередко более невоздержанные после десятка-другого визитов заплетались и языком и ногами, а на пасхе слюнявили всех своими, обрядностью установленными, трехкратными лобзаниями, свидетельствовавшими о братстве людей.

В первый день праздников визиты делали мужчины, во второй – прекрасный пол – дамы, «просто приятные и приятные во всех отношениях» и, вероятно, вели между собою «гоголевские» разговоры.

Помимо визитеров сновали также из дома в дом «алчущие и жаждущие» рубля попы с крестом и коротенькими наспех молебствиями, музыканты, певчие и прочий люд, а на Рождество непременно мальчишки-христославы или в одиночку, или хоровыми, в 3-5 человек, ансамблями. Христославы собирали трехкопеечники и пятаки.

На пасхе на Базарной площади устраивали карусель. Вся в блесках и мишуре, выглядела она нарядно и привлекала не только ребят, но и взрослых. Размещались вперемежку на лошадках и в тележках и кружились под звуки шарманки. Ставились также качели-зыбки. На двух высоких столбах, вкопанных в землю, помещался вал с вделанными в него крест на крест двумя параллельными слегами. На концах последних подвешивались зыбки (четыре) с сиденьями на двух лиц. Это большое колесо толчками двух человек приводилось в движение, и зыбки, раскачиваясь то назад, то вперед, то взлетая стремительно то вверх, то падая вниз, давали качающимся, очевидно, сильные ощущения, так как без женского визга забава не обходилась.

Устраивались и различные балаганы с увеселениями, как бывало на ярмарке. Иногда появлялись на улицах две фигуры любителей ходить на высоких ходулях. Одетые в мужское и женское платье, они представляли действительно забавную пару великанов, за которыми ходила толпа, а больше, конечно, ребяташки. Давали свое представление эти артисты бесплатно, – не имелось возможности толкнуть им в руки, слишком высоко находившиеся и занятые ходулями, двугривенный.

На пасхе целыми днями плавал в воздухе переливчатый звон колоколов всех четырех церквей. На колокольни всю неделю свободно допускались любители колокольного звона, и среди них бывали такие артисты этого дела, что только-только не разыгрывали моцартовские симфонии.

Мальчишки начинали с азартом играть в бабки – игру, видимо, ныне заброшенную.

С русским разгулом праздновали «широкую» масленицу, – объедались невероятным количеством гречневых блинов с разными к ним приправами – сметанкою, икоркою, балычком, всё это под водочку и другие пития. Затем следовало катание по улицам в кошевах, санях и даже на дровнях, непременно разукрашенных коврами, на тройках и одиноких лошадках, убранных лентами и бумажными цветами, с колокольцами и бубенчиками. Тут же сновали верхами и в одиночку и целыми кавалькадами мальчишки на мухрастых лошаденках, тоже приукрашенных.

Вечером в последний день масленицы, в так называемое, «Прощеное воскресенье», шумная жизнь города сразу обрывалась и затихала. «Прощеным» день назывался потому, что существовал обычай перед наступлением «великого поста» (покаяния) просить младшим у старших прощения в своих возможном винах перед ними, а в семьях, где крепко жили традиции, молодежь кланялась старикам даже в ноги.

А в «чистый понедельник» веселый звон колоколов сменялся унылым великопостным, и жизнь в городе замирала на целых семь недель: ни спектаклей, ни танцевальных вечеров. Люди, в подавляющей массе тогда еще верующие, постились и говели. Пост состоял в том, что не ели скоромной пищи – мяса, животных жиров, яиц, молока, а говенье сводилось к тому, что выбирали какую-нибудь неделю поста (особенно почитались четвертая и седьмая), и говеющие ежедневно посещали утренние и вечерние церковные службы, а в конце недели исповедовались перед священником в своих грехах, который именем бога слагал их с человека. Очистившийся от грехов «приобщался святых тайн», т.е. под видом глотка красного вина и кусочка хлеба, особо выпеченного (просфоры), «вкушал» якобы тело и кровь христову. Все это проделывается и в настоящее время весьма и весьма поредевшими верующими.



Чиновники обязаны были говеть ежегодно и, если кто этого не делал, н того косились, хотя и без каких-либо реальных последствий. Более строго требовалось от чиновников посещение «молебнов» в царские дни (тезименитство, рождение царя, царицы и прочие) во всем параде: в мундирах, при шпагах, в регалиях.

Подытоживая в коротеньких словах жизнь старого Верхнеудинска. Приходится сказать, что шла она у людей тихонько, спокойненько, не только без особых потрясающих событий (исключение – большой пожар города), но, пожалуй, и вообще без событий. Один день походил на другой почти до фотографической точности. Люди никуда не спешили, никуда не стремились, задач каких-либо себе не ставили, жизнь не строили, а просто пассивно плыли по ее течению. Но присущие человечеству страсти со всеми разнообразными эмоциями и тогда, конечно, существовали и процветали. Люди любили и ненавидели, ревновали и страдали, радовались и печалились, плакали и смеялись, – одним словом, и тогда все обстояло так, как отражено это в древнеримской пословице: «Человек я, и ничто человеческое мне не чуждо».

Город Верхнеудинск живописно расположился в кольце зеленых гор, в низине, при впадении быстрой, горного характера Уды в полноводную более спокойную Селенгу. С этой стороны горы подступили к самому городу, а горы за Селенгою полукругом отошли несколько вдаль и своими волнообразными контурами замкнули горизонт на западе, образовав между собою и рекою значительную равнину. Горы Комушка, Синяя сопка как стояли в 70-80 гг., такими же неизменными стоят и сейчас.

Лесные пожары на них, как и на других ближайших горах, уничтожали по временам целые участки леса, но природа быстро залечивала увечья, и горы опять зеленели. Вообще лесные пожары в те далекие времена, когда не было правильной охраны лесов, когда не существовало еще лесничества, бывали бичом природы – уничтожали леса на громадных пространствах, особенно, если огонь хозяйничал в тайге. Бывало, летом на целые недели

город окутывался таким густым дымом, что трудно становилось дышать, а солнце катилось по раскаленному небу багровым зловещим шаром. Люди томились и изнывали. С нетерпением ждали обложного дождя, чтобы избавиться от этой своего рода египетской казни, и только после хорошего дождя воздух прояснялся, голубело опять небо и радостно сияло солнце.

Верхнеудинск красотой окрестностей мог и может похвалиться. Вот Верхняя Березовка. Дорога шла к ней Читинским трактом по сосновому лесочку. Отмеривали ее казенные пестрые верстовые столбы, и на четвертой версте она опускалась с «Белой глины» в низину Уды, а на пятой версте под прямым углом сворачивала с тракта влево в Березовую падь. Под «Белой глиной» сразу же начинались поливные покосные луга, огороженные поскотиной. На «Белой глине» существовали кирпичные сараи, где вырабатывался кирпич, как и в сараях за Батарейной площадью, исключительно ручным, кустарным, примитивным способом.

Зеленые горы, поросшие сосною и багулами, образовали неширокую Березовую падь, в долине которой, журча и извиваясь в кривляках, бежала веселая речушка Верхняя Березовка, стремясь слить свои прозрачные струйки с Удою. Могучие, стройные, темно-зеленые колючие ели и с шелковистою, мягкою иглою лиственницы, широко раскинувшие ветви, белоствольные березы, вечно трепещущие в непонятном страхе осинки и густые заросли кустарников, – вся эта чащоба, благодарная речушке за то, что она обильно поила ее и растила, оберегала в свой черед маленькую речушку в летнюю жару от палящего солнца, от высыхания. Услуга за услугу!

Сенокосные поливные луга в пору цветения пестрели коврами самых разнообразных цветов. Сибирь с ее коротким, но жарким летом на цветы была таровата. И никому тогда не возбранялось свободно ходить по покосам и собирать роскошные букеты. Но любителей этого занятия бывало раз-два и обчелся, и потому трава не мялась, покосы не страдали.

По весне горы розовели от цветения багулов, а по осени в лесах вырастали обильные урожаи грибов: рыжиков, груздей и масленков, и тогда, как сама Березовая падь, так и ответвлявшиеся от нее побочные – Сухая, Волчья, Шишкина, Кулемина – являлись излюбленными местами верхнеудинцев для грибных походов, и леса наполнялись многоголосым ауканьем.

На левом берегу речушки, в самом начале пади, из-под горы вытекал ключик, слывший в народе, как целебный. Верили, что он помогает от глазных болезней, и его кристальной, холодной водой промывали глаза.

Вверх верст на десять по долине тянулись еще луга и покосы, а дальше шла глухая тайга, где хозяйничал Михайло Иванович. Природа, в те времена оставалась нетронутой, хранила первобытный вид. Никакого заселения по речке не было, за исключением заимки Ф-овых. Братья Ш-овы владели пожизненно угодьями, пожалованными за какие-то неведомые заслуги, кажется, ещё при Екатерине II, их предкам, и являлись, своего рода, помещиками, можно добавить – горе помещиками! При умелом хозяйничании, при умелом пользовании землею, да ещё под самым городом, надо было извлекать из владения хорошие доходы. Этого не было. Незадачливые многосемейные братья-владельцы ютились в домишках-развалюшках, работали сами без наемного труда и доходов с имения не получали, жили в бедности, в постоянной нужде.

При самом впадении речки Березовки в Уду, где теперь железнодорожный мост, стояла дача купца Лосева, единственная тогда в городе. На ней проживала летом вдова последнего из Лосевых.

Дач не строили, и, если уж являлось желание у кого-нибудь пожить на лоне природы, то устраивались в ближайших к городу деревнях.

Нижняя Березовка, тоже горная речушка, пробиралась по лесистой пади и носила иной характер. Здесь было совсем глухое место, безо всяких следов культуры. При самом впадении речки в Хайдуковскую протоку (от Селенги) стояли две бурятские юрты. Что здесь делали буряты, чем

занимались, было неизвестно, правда, владели они лодченкой – вертлявой душегубкой, на которой можно бывало переправиться на Хайдуков остров, обширный, с сенокосными лугами. На этот остров ездили собирать ягоды – красную и черную смородину, черемуху. Вверх по речке тянулась глухая тайга, и около трех ключиков бывал риск наткнуться на медведя. Сюда в одиночку и безоружными избегали ездить.

По берегу Селенги дальше дороги не было, преграждал путь Коновалов утес, обрывающийся в Селенгу. Природа и здесь, в своей дикости, была прекрасна и живописна. Излюбленным местом для прогулок и пикников являлись острова вверх по Селенге не менее десятка, больших и малых, разделенных широкими и узенькими протоками. Архипелаг этот протянулся до самой Вахмистровой (Саянтуй).

Использовались острова как лучшие покосы. Особенно хороша была протока Спасская между Вознесенским и Спасским островами. Узенькая, с тихим течением, местами с прямыми плесами, местами в излучинах, с густо нависшими над водою прибрежными кустами, прикрытая ими, как зеленым сводом, она прямо просилась на полотно художника-жанриста. По этой водяной аллее плыть в лодке было одно удовольствие, тем более, что не приходилось затрачивать сил на греблю. По этой же протоке проходила зимою гладкая, без торосов и ухабов дорога на Вахмистровую, и любители прокатиться на лошадке в санках пользовались ею.

Хорошие прогулки на зелень бывали и за Селенгинский перевоз на Конный остров, где по весне, словно облитые душистым молоком, красовались яблони и черемухи.

Для любителей рыбной ловли природа припасла здесь небольшое озерко, именовавшееся «Карасиным». Из него рыболовы таскали удочкой карасей, если не крупных, зато в изобилии, что придавало веселость ужению.

Интересные места лежали и вверх по Уде, по левому ее берегу, по дороге в деревню Малые Тальцы. По какой-то небольшой речке, названия которой не знал и не знаю, расположились одна от другой в расстоянии

нескольких верст три водяные мельницы семейских крестьян – Фрола, Тимофея и Анкудина. При каждой мельнице существовал пруд, длинный, прячущийся в зарослях ветел и тальников, купавших в воде свои ветви, заросший камышами и кувшинками. Веяло всегда от такой заводи чем-то первобытным и грустным. И тут же шумливая мельница, вся утопающая в зелени, вся содрогающаяся от грохота колеса и жерновов.

Весной и осенью на прудах этих была хорошая охота на уток и гусей, но охотники почти отсутствовали, и птицам жилось привольно. В Саянтуевском направлении находилась глухая, дикая падь Медведчикова, с ключом, где, как свидетельствовало и само название пади, легко можно было столкнуться с медведем. Сюда ездили и ходили компаниями по грибы.

Дорога на Вахмистровую в начале своем была тяжелая, с песками и на подъем. Примечательны на ней были три «Верижихиных пупа» (названные так, вероятно, по имени какой-нибудь заудинской казачки). Это были довольно высокие песчаные дюны по краю обрыва к Селенге, засыпавшие на значительную высоту растущие тут сосны.

Путешествовали по грибы также в пади Прямую, Глубокую и Побасанову. Последняя находилась на девятой версте от города по Читинскому тракту. Славилась, как живописные места, деревни Шишкино и Ошурково, но они городу не принадлежали. Вот, пожалуй и все живописные уголки около города.

Теперь многое изменилось. Даже в природе не всё по-прежнему. Так, в старом Верхнеудинске водилось много голубей, живших при каждом доме, а летом под стрехами всюду устраивались ласточки-касаточки со своими гнёздами и птенцами. В небе постоянно парили, распластав крылья, коршуны, а с наступлением сумерок воздух в изобилии чертили летучие мыши. Нынче все эти птицы исчезли, – вероятно, шумная жизнь города с автомобилями, мотоциклами, гудками, их отпугнула.

Поделюсь и еще одним своим наблюдением. Бывало летом, почти после каждого знойного дня к вечеру непременно собиралась гроза, а раза

три-четыре в лето разражались грозы прямо ужасающие, потрясающей силы. Теперь гроз почти не бывает, а если и случаются, то не отличаются силою. Как-будто и почему-то в природе произошли какие-то атмосферические сдвиги.

А сам город стал неузнаваемым: раскинулся на большой площади, благоустроился. Насчитывает много тысяч населения. Появилось много двухэтажных и трехэтажных каменных домов, на горе красуется грандиозное и великолепное здание оперы и балета; улицы покрылись асфальтированными и булыжными мостовыми, город озеленился; нарядная толпа наполняет панели, ходят автобусы, бегают автомобили, такси, шмыгают мотоциклы, велосипеды; движение регулируется бравыми милиционерами; существует водопровод; исчезли на реках первобытные переправы, вместо них перекинулись постоянные мосты; там, где шумели когда то сосны, расположились мощные заводы: паровозовагонный, механлит, стеклоделательный, мелькомбинат, мясокомбинат, суконная фабрика и прочее.

А как неизмеримо далеко ушла вперед настоящая культурная жизнь города от прежней! Ныне в городе: несколько высших учебных заведений, много прекрасно оборудованных школ, обязательное семиклассное обучение для всех детей; несколько больниц и амбулаторий, оказывающих населению квалифицированную бесплатную медицинскую помощь, включительно до карет скорой помощи; два театра – оперы и драмы; филармония, музыкальные школы, кино, масса клубов с их замечательной «самодеятельностью»; высоко поставленная организация спорта, – всего не перескажешь...

Первый толчок к росту и развитию города дала железная дорога. С проведением ее в Сибирь, издавна славшую «золотым дном», хлынули людские массы искать счастья. Население города сразу же увеличилось, началась застройка горы. Но рост и развитие города пошли всё же черепашьими темпами, и только после Октябрьской революции жизнь города

была впрыснута «живою водою». Рост города, развитие его пошли, как в сказке, семимильными шагами, не по дням, а по часам. Бывший уездный городок Верхнеудинск, переименованный в Улан-Удэ, стал столицей БМАССР, и это свое новое славное название во всех отношениях теперь оправдывает...

Прекрасная, но дикая в его окрестностях природа уступила место культуре и технике, полезным для человечества, которые её облагородили.

Заканчиваю свой очерк и не знаю, удовлетворит ли он любознательного читателя, даст ли ему достаточное представление о старом Верхнеудинске, (но скажу одно: сделал, что мог).

Существует латинское изречение: «...», в переводе на русский: «Сделал что мог, кто может сделать лучше – пусть делает».

М.Т.